

Лев Троцкий

**ПОРТРЕТЫ
РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ**

Московский рабочий

Лев Давидович Троцкий

Портреты революционеров

OCR unknown, spellcheck Calliope

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160247

*Портреты революционеров:[сборник] Лев Троцкий: Московский
рабочий; Москва; 1991
ISBN 5-239-01313-6*

Аннотация

В основу книги положен изданный в 1984 году в США сборник биографических очерков Троцкого «Портреты». В нее включены очерки о Ленине, Сталине, Бухарине, Луначарском, Зиновьеве и Каменеве, Воровском, Горьком и других. В особый раздел вынесены материалы не законченной Троцким книги «Мы и они». Сборник составлен по документам, хранящимся в архиве Троцкого в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета.

Содержание

Как создавались «Портреты революционеров»?	5
От редактора-составителя	46
Ленин	48
Очерк	48
Приложение	71
Из дневника Алексинской	71
Два тори о революционере	72
Разногласия с Лениным	83
Иосиф Сталин	93
Опыт характеристики	93
Приложение	122
Двадцатилетие революции 1905 года	122
Сверх-Борджиа в Кремле	129
Вместо предисловия	129
Ленин и Сталин. Последняя борьба и разрыв.	133
«Мучается старик»	141
Лаборатория ядов	145
Смерть и похороны Ленина	151
Приложение	158
Письмо Троцкого переводчику Ч. Маламуту	158
Сталин против Сталина	161
К политической биографии Сталина	168

Лев Давидович Троцкий

Портреты революционеров

Как создавались «Портреты революционеров»?

(Творческая лаборатория Льва Троцкого)

Наряду с повседневной «текучкой», связанной с борьбой со Сталиным в Советском Союзе (конспиративной) и на Западе (более или менее открытой), Лев Троцкий в долгие годы изгнания постоянно пытался выкроить время для работы над чем-то «монументальным» – как он выразился в беседе с французским писателем Анри Мальро. Поначалу это сводилось к работе над воспоминаниями. Писать мемуары Троцкого впервые уговорили в 1927 или 1928 году Евгений Преображенский и Христиан Раковский. Первая стадия работы над рукописью «Моя жизнь» проходила в алма-атинской ссылке. Судя по наброскам, сохранившимся в Амстердамском международном институте социальной истории, первоначально воспоминания Троцкого представляли собой цикл автобиографических новелл. В этом варианте (особенно там,

где Троцкий не смог обойти своих противоречий с Лениным) видны многочисленные «провалы».

Приступая к «Моей жизни», он попросту брал и перedelывал свои прежние работы мало-мальски «личного» характера. Но вслед за насильственным выдворением Троцкого в Турцию в начале 1929 года на него посыпались предложения, одно другого заманчивее: напечатать воспоминания в мировой прессе, а затем издать их отдельной книгой. Для этого первоначальный вариант уже не подходил. Тогда Троцкий принялся переписывать мемуары заново и дополнил первые главы рукописи «Моей жизни» историческим фоном и портретами современников. Текст увеличился почти вдвое. Первая книга мемуаров, хронологические рамки которой достигли 1917 года, оказалась готовой к концу 1929 года.

Однако стали подгонять сроки. Тогда Троцкий решил вернуться к первоначальному замыслу – рассказывать в первую очередь о себе, а повествование о своих друзьях и противниках (особенно если требовалась работа над старыми газетами и журналами) отложить на время. Поэтому-то некоторые главы «Моей жизни» и похожи на затянувшийся монолог. В этом проявилось увлечение Троцкого самоанализом и прорвалась сквозь нарочитую скромность предельно высокая оценка собственной роли в историческом процессе. Не в последнюю очередь посему (и не только из-за утилитарных стремлений закончить мемуары побыстрее) в «Моей жизни»

довлеют скрупулезные заметки о раннем детстве, о времени, проведенном за школьной партой, о проделках одноклассников, а портреты современников присутствуют лишь фрагментарно. (Обрывки воспоминаний о детстве были записаны Троцким еще в середине 20-х годов по просьбе американского публициста Макса Истмена, который работал тогда над книгой о его молодости.)

Мало о ком из виднейших политиков XX века оставил Лев Троцкий столь подробные мемуары, как о своих одесских педагогах. Не без толики самолюбования включил он в «Мою жизнь» и повесть о своих двух побегах из Сибири (опубликовав их уже в свое время на русском и немецком языках), а также великолепную по стилю автобиографическую новеллу о насильственной высылке в 1916 году из Франции и Испании. (Новелла эта увидела свет впервые по свежим следам событий в нью-йоркской газете «Новый мир», а затем в 20-е годы в переработанном виде была напечатана в журнале «Красная новь».)

* * *

Окончательный вариант «Моей жизни» кажется нам более читабельным. Зато мемуары получились действительно сугубо «личными». Многие секреты политической борьбы эпохи так и остались нераскрытыми. А вместо галереи портретов современников Троцкий на сей раз ограничился эс-

кизами и мазками. Правда, и подобный, выхолощенный, вариант «Моей жизни» убеждает читателя: Лев Троцкий мог бы стать великолепным психологом либо отменным литератором, одним из лучших бытописателей своей эпохи, не выбери он в восемнадцать с лишним лет тернистый путь народничества, а затем не стань прозелитом «интернациональной» социал-демократии, трансформировавшейся на русской почве в «большевизм-ленинизм».

Работая по 10—12 часов в день над «Моей жизнью» на острове Принкипо (вблизи Константинополя), Троцкий вскоре понял: даже при столь напряженных темпах он подведет со сроками издателей. Поэтому-то к труду над рукописью он привлек самых близких себе людей – жену и старшего сына. Тем более что они отлично помнили многочисленные судьбоносные эпизоды из жизни Троцкого. Судя по наброскам к «Моей жизни», Наталья Седова и Лев Седов, по просьбе Троцкого, описали несколько интересных событий, происшедших со всеми ними в эмиграции, в годы гражданской войны и в алма-атинской ссылке. Некоторые пассажи их воспоминаний Троцкий включил в текст «Моей жизни», впрочем почти всегда ссылаясь на «первоисточник». Такого рода «коллективное творчество» не должно нас удивлять. И в политическом и в человеческом значении этого слова Троцкий и его окружение представляли в 1929 году как бы единое целое. К тому же Лев Троцкий, еще будучи Наркомвоенмором, председателем Реввоенсовета республики, чле-

ном Политбюро и прочая, и прочая, привык, что ему помогает в творческой работе налаженный штат помощников, секретарей и стенографистов. А вот ко времени трудов и дней в Принкипо рядом с Троцким уже больше года не было привычных сотрудников. (В последнюю минуту ОГПУ не разрешило любимым секретарям его Сермуксу и Познанскому последовать за Троцким в изгнание.)

Поэтому-то Наталье Седовой и Льву Седову и пришлось срочно научиться делать необходимые для Троцкого выписки из литературы. Вскоре Лев Седов настолько втянулся в эту работу, что порою казалось: он один сможет заменить Троцкому секретарей, попавших вместо Турции в камеры политпозолаторов. Но требовательный донельзя Троцкий не позволял своему сыну «почивать на лаврах». Когда Лев Седов переехал в Берлин, то он «направлял» его на расстоянии. Свидетельство сему, между прочим, письмо-инструкция. Его датировка – декабрь 1933 года (письмо это публикуется впервые, как и все остальные приводимые ниже цитаты из писем Льва Троцкого своему сыну):

«Как делать выписки? Во-первых, все цитаты, подлежащие переписке, отмечены на полях серым карандашом. Где это требуется, начало и конец цитаты отмечены небольшими штрихами в тексте. Во-вторых, надо оставлять поля в три-четыре сантиметра. 3. Большие цитаты стараться помещать на отдельных листах, по возможности без переноса на другую страницу. 4. Малые цитаты можно помещать по две-

три на странице, но оставлять между ними промежуток в пять, шесть строк. 5. Под каждой самостоятельной цитатой указывать книгу и страницу. Если в книге несколько статей, то приводить заглавие данной статьи, наряду с заглавием книги. Если выписка приводится из судебных протоколов, то надо указывать, кто именно говорит данные слова. 6. Выписанный текст надо тщательно считывать во избежание ошибок».

* * *

Судя по текстам, сохранившимся в амстердамском архиве, почти всю рукопись «Моей жизни» перепечатала Наталья Седова. Лишь последние несколько глав Троцкий доверил машинистке, поселившейся к тому времени в их семье на Принкипо.

Первоначально в мемуары должно было войти и подробное описание фракционной борьбы в партии большевиков в 20-е годы. Именно эти главы воспоминаний обещали прозвучать особенно сенсационно. Ведь Троцкому удалось вывезти из Советского Союза уникальный архив, и он собирался использовать эти документы в борьбе со «сталинской школой фальсификации».

Однако если первый том «Моей жизни» представляет и по форме и по содержанию своему компактную рукопись, то вторая часть мемуаров Льва Троцкого кажется скомкан-

ной. Она оставляет читателей в недоумении: что же заставило прервать воспоминания? К примеру, история с высылкой Троцкого из Советского Союза показана чуть ли не час за часом, но из текста так и не ясно до конца – что привело к этой высылке?

Видимо, с последней частью воспоминаний произошла та же самая история, что и с недорисованными портретами современников. Работая над окончательным вариантом «Моей жизни», Лев Троцкий просто-напросто отложил начатые главы о фракционной борьбе на времена более спокойные. Конечно, торопили и издатели (в первую очередь берлинские «Грани»), и переводчики, и редакторы газет, а также журнальной периодики. Но, самое главное, в 1929 году Лев Троцкий в глубине души явно был еще не готов раскрыться окончательно перед общественностью во всем том, что касалось его «партийного прошлого». Отсюда столько недоговорок, намеков в «Моей жизни», особенно если речь заходила о партийных и государственных секретах пяти– либо десятилетней давности. И наконец, в мыслях Троцкого во время работы над «Моей жизнью» уже формировался замысел новой книги, скорее историографического и аналитического, нежели мемуарного содержания.

Работа над следующей книгой, родившейся в годы эмиграции, была выполнена в рекордный даже для Троцкого срок. К наброскам первых глав «Истории русской революции» Троцкий приступил, видимо, в самом конце 1929 го-

да, а ровно через полтора года огромный первый том этой эпопеи, показывающей (не без пристрастия, естественно) события Февральской революции и последующих месяцев, вышел в свет в Берлине. Затем еще год спустя появился и второй том, с подробным изложением перипетий корниловского мятежа, предгрозовой осени 1917 года и октябрьского переворота. Непосредственно к этой работе должна была примыкать «История гражданской войны в Советской России», но на это у Троцкого из-за занятий актуальной политикой не хватило уже ни сил, ни времени. В качестве же «отходов» от «Истории русской революции» в отдельные папки – как и во время работы над мемуарами – складывались записи о самых ярких, либо по какой-то причине самых интересных для Троцкого современниках.

А ведь казалось, что в вилле на берегу Мраморного моря Троцкий, изолированный от больших библиотек мира и не питавший особых надежд выбраться из Турции (справедливо называл он себя в начале 30-х годов «гражданином планеты без виз»), не сможет выпустить историю русской революции в форме исследования. Ведь в его библиотеке первоначально хранилось лишь несколько десятков книг на данную тему. Остальные материалы остались в Москве на квартире младшего сына – Сергея Седова, и их так и не удалось вывезти. Однако неожиданная помощь пришла Троцкому из Берлина. Обосновавшийся там по «партийным» делам Лев Седов настолько серьезно принял к сердцу интеллектуаль-

ную – не только политическую – изоляцию Троцкого, что значительную часть своей воистину беспредельной энергии посвятил подборке материалов для «Истории русской революции». В Константинополь, а оттуда в Принкипо шли регулярно из Берлина письма с выписками, бандероли с газетными вырезками и увесистые посылки с библиотечными книгами. Помощь Троцкому стал оказывать также его берлинский издатель Пфемферт и владелец многих раритетов по истории русской революции Томас, один из самых загадочных деятелей Коминтерна, порвавший к тому времени со Сталиным. И наконец, Троцкому согласился содействовать в его трудах над рукописью Борис Николаевский, признанный историк международной социал-демократии, виднейший деятель меньшевистской эмиграции.

* * *

Отношения Троцкого и Николаевского – тема отдельного исследования. По словам недавно умершего в Голландии Бориса Сапира, Николаевский совсем случайно познакомился в Берлине со Львом, сыном Льва Троцкого. Николаевского подкупило трудолюбие Седова, его желание не просто быть сыном своего отца, но и превратиться в «самостоятельного» политика, при этом разобраться в истории российского революционного движения. Поэтому-то Борис Николаевский в середине 30-х годов дважды выступил в роли посред-

ника между Львом Седовым и Международным институтом социальной истории. (Лев Седов тогда готов был поступить в только-только образовавшийся Амстердамский институт с целью разобрать переданные туда бумаги Троцкого по истории гражданской войны.)

Что же касается политических воззрений, то и Седов и Николаевский, подружившись, оставались каждый при своем мнении. Но при этом, несмотря на традиционную вражду большевиков и меньшевиков, оба они поняли, что, пока находятся в изгнании, главный противник у них тот же: хозяин кремлевских чертогов. Поэтому часто встречаясь либо переписываясь, Николаевский с Седовым обменивались доходившей за границу (и в тридцатые годы становившейся все более скудной) информацией о жизни на советском Олимпе, а иногда и о деятельности антисталинского подполья. В середине же 30-х, когда и Николаевский и Седов вынуждены были переехать из Берлина, вследствие победы «коричневой чумы», в Париж, то их политическое сотрудничество стало еще теснее: оба они старались предупреждать друг друга о деятельности «гепеуров», роящихся, как мошकारа, вокруг самых активных эмигрантов.

При всем при этом Лев Седов продолжал считать себя «большевиком-ленинцем» и исповедовал взгляды порою даже более радикальные, нежели сам Троцкий; одно время он был бы не против проповедовать террор против Сталина и его окружения, по, натолкнувшись на сопротивление Троц-

кого, отошел от этих фантазий. Борис Николаевский же в годы изгнания являлся не просто меньшевиком, но находился на правом крыле движения. Поэтому-то он и продолжал считать Троцкого – вкупе с Лениным – могильщиком Февральской революции, ярким противником многопартийного строя в России. Не мог простить Николаевский Троцкому и гонений на меньшевиков и правых эсеров в годы гражданской войны и нэпа, глубоко осуждал его за участие в создании системы концентрационных лагерей и трудармий в Советской России. Если же заходила речь о фракционной борьбе 20-х годов, то Борис Николаевский симпатизировал скорее (да и то относительно) правым большевикам, таким, как Рыков, Бухарин, Рязанов. Но, являясь не просто политиком, а интеллектуалом с удивительно тонким историческим чутьем, Николаевский понимал, что без роли Троцкого трудно говорить об истории России XX века. Поэтому-то ему так хотелось, чтобы Троцкий продолжил работу над прерванными в 1929 году мемуарами. Ради этого Николаевский готов был подбирать для своего заклятого политического противника все необходимые для кабинетной работы материалы. В архиве Бориса Николаевского, хранящемся большей частью в Институте Гувера (Стенфорд), находится, к примеру, документ, согласно которому Николаевский лично напечатал на машинке для Троцкого текст политического завещания Ленина. И, хотя Троцкий и Николаевский, судя по всему, не переписывались непосредственно, все же через Льва

Седова «Геродот социал-демократии» регулярно пересылал Троцкому сначала материалы о событиях 1917 года, а затем и источники, связанные с деятельностью Маркса, Энгельса и Ленина (Троцкий время от времени возобновлял свою работу над их биографиями).

Как относился Лев Троцкий к полуконспиративным контактам, установленным с Николаевским и продолжавшимся даже после убийства агентурой Сталина Льва Седова? Поначалу он реагировал на предложение Седова пользоваться услугами Николаевского весьма настороженно. Троцкий не столь боялся подвохов со стороны меньшевиков: его скорее страшили возможные обвинения сталинской прессы, узнай она о подобном сотрудничестве через органы ОГПУ. Однако, убедившись в том, что Николаевский не только глубоко порядочный человек, но и прирожденный конспиратор, Троцкий стал пересылать ему некоторые свои манускрипты на отзыв. «Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить через твое посредничество Б. И. Николаевского за его обстоятельные и серьезные замечания. С некоторыми из них я не могу, правда, согласиться (о самозарождении марксизма, о программной позиции Александра Ульянова, о самарских спорах по поводу голода). Что касается других поправок, то я должен более тщательно справиться с текстом и с источниками, чтоб вынести окончательное заключение. Во всяком случае замечания Б. Н., без сомнения, помогут мне уточнить текст для всех других изданий (биографии Ленина, над кото-

рой Троцкий как раз тогда работал в изгнании. — М. К). Еще раз благодарю его», — говорится в письме Троцкого ко Льву Седову от 4 августа 1934 года.

И наконец, со слов Бориса Сапира, отметим: к написанию отдельной книги, в которую вошли бы мемуары о самых видных современниках, Льва Троцкого подталкивал (при посредничестве Льва Седова) все тот же Борис Николаевский. Он даже советовал Троцкому не начинать всю книгу с самого начала, а использовать свои же старые статьи о Ленине, Красине, Жоресе, Либкнехте и т. д., вышедшие в свое время в Советском Союзе, вернее, «личное» в этих статьях. Мы пока еще не выяснили, когда прозвучали эти советы. Скорее всего, это происходило в 1934—1935 годы. Ведь раньше дело сводилось к «технической» помощи Троцкому со стороны Николаевского. Правда, ни в архиве Троцкого в Гарварде и в Амстердаме, ни в бумагах Седова и Николаевского в Стенфорде мы не нашли документальных подтверждений того, с какого времени датируется помощь Николаевского Троцкому в его работе над сборником портретов современников. Известное же нам самое раннее упоминание об этой книге Троцкого, куда должны были войти мемуары и политические эскизы о деятелях XX века, — 20 января 1931 года. В письме американскому публицисту Максу Истмену говорится:

«...Хочу в нескольких словах сообщить Вам о новой книге, которую я пишу в промежутке между двумя томами „Истории революции“. Книга будет,

может быть, называться „Они и мы“ или „Мы и они“ и будет заключать в себе целый ряд политических портретов: представителей буржуазного и мелкобуржуазного консерватизма, с одной стороны, и пролетарских революционеров, с другой; намечены: Хувер, Вильсон, из американцев; Клемансо, Пуанкаре, Барту и некоторые другие французы; дело банка Устрик займет главу в связи с характеристикой французских политических нравов. Из англичан войдут Болдвин, Ллойд Джордж, Черчилль, Макдональд и лейбористы вообще. Из итальянцев я возьму графа Сфорца, Джолитти и старика Кавура. Из революционеров: Марке и Энгельс, Ленин, Люксембург, Либкнехт, Воровский, Раковский и, вероятно, Красин, в качестве переходного типа».

* * *

Длинный список персонажей, перечисленный Троцким в письме, свидетельствует отнюдь не о замысле его сестры работать над субъективными мемуарами о современниках (подобный сборник выпустил уже Луначарский под заглавием «Силуэты революционеров»), а скорее о желании составить книгу, похожую на известный в то время труд Карла Радека «Портреты и памфлеты». Льву Троцкому поначалу, видимо, не мешало, что с большинством своих предполагаемых героев и антигероев он не был лично знаком, и поэтому при-

дется то и дело «сбиваться» на публицистику. Вскоре, однако, выяснилось, что для подобной кропотливой работы на острове Принкипо действительно нет возможности, – автор не мог бы наводить справки в книгохранилище Румянцевского музея либо в библиотеке Комакадемии, как это случилось в прежние времена. Правда, Троцкий и в подобных случаях старался не сдаваться. В письме Максу Истмену он утверждал: «Этот список еще не окончательный». Однако не прошло нескольких месяцев, и перечень предполагаемых действующих лиц книги «Мы и они» пришлось значительно подсократить, ограничившись портретами знакомых деятелей российского рабочего движения.

Но и эта «минимальная программа» осуществлялась медленно за нехваткой необходимых источников. «Было бы хорошо, – пишет Троцкий сыну, – если бы ты сам проработал материалы о Воровском, сделав необходимые выписки, по крайней мере из тех книг, которые нельзя достать в собственность. Что мне нужно?

а) Отношение Воровского к Ленину, – здесь важна каждая мелочь;

б) отношение Воровского к Польше, польскому языку, польской партии и пр., отношение Воровского к католицизму и к религии вообще (все это для того, чтобы разоблачить ложь Сфорца о том, будто Воровский, в качестве поляка, считал Россию чужой страной);

в) отношение Воровского к Москве, к России, к русской

литературе, к русскому языку и пр.;

г) отношение Воровского к Октябрьской революции и его роль в ней;

д) (sic!) период болезни Воровского и забота о нем Ленина;

е) смерть Воровского. Так как я в ближайшие месяцы буду полностью занят своей „Историей“, то ты мог бы работу о Воровском проделать систематически и детально, отмечая необходимые выдержки и давая их в переписку. Лучше переписать лишнее, чем упустить существенное».

В ответ из Берлина пришли первые книжные посылки и выяснилось: материалов о Воровском собралось довольно много.

Старый знакомый Воровского Якуб Ганецкий вскоре после трагического покушения в Женеве стал собирать литературно-критические и политические статьи и всячески пропагандировать их в печати. Так и у предельно субъективного в других случаях, строго оценивавшего своих современников Троцкого появилось желание сказать доброе слово о Вацлаве Воровском, об одном из немногих старых большевиков, который хорошо относился к нему, несмотря на старинные распри. Для Воровского, в отличие от Бонч-Бруевича, Кржижановского, Лядова и большинства «стариков» из эмигрантского окружения Ленина, Троцкий перестал быть *bete noire*¹ российского социал-демократического движения

¹ Дословно «черное животное» (*франц.*); здесь имеется в виду, что он перестал

с тех пор, как летом 1917-го перешел на рельсы большевизма. Троцкого и Воровского объединяло еще и то, что оба они являлись культурнейшими людьми своего круга. В мотивах, побудивших Троцкого написать портрет Воровского, естественно, сыграла свою роль и тема «выстрела Конради». В святцах большевистского движения имя убитого террористом Воровского было записано рядом с именами Урицкого, Володарского, Войкова, хотя каждый из этих политиков проделал собственный, и отнюдь не однозначный, жизненный путь. Правда, в глазах последующих поколений, вынужденных жевать жвачку агитпропа, имена эти слились воедино. Для Троцкого же они остались все теми же хорошо знакомыми ему современниками.

Интересны именно с психологической точки зрения размышления Троцкого о покушении на Воровского. Дело в том, что сам Лев Троцкий, высланный в 1929 году в Турцию и вскоре лишенный советского гражданства, почти сразу же остался без охраны. Заставив его с семьей покинуть советское консульство в Константинополе, ОГПУ обрекло Троцкого, как казалось тогда, на верную гибель. Однако Сталин и его сообщники, мечтавшие, что «мокрое дело» совершат вместо них террористы из стана «классовых врагов», глубоко просчитались. Среди молодых сторонников Троцкого в разных странах всегда находилось достаточно добровольцев охранять его от возможных покушений. Да и сам Троцкий,

работая над своими книгами по много часов в день, рано или поздно, но стал зарабатывать достаточно, дабы обеспечить безопасность маленькой колонии на острове Принкипо. Правда, до него продолжали доходить сведения, что генерал Туркул и другие видные белые офицеры готовятся с ним расправиться. Все это вызывало в Троцком подавленность, чувство затравленности. И к прежней «абстрактной» мании преследования у Льва Троцкого примешался реальный страх – пасть от руки конкретных убийц. Все это, вместе взятое, и дало повод ссыльному политику для раздумий о судьбе Воровского.

И наконец, личный, кажется неизвестный, мотив в написании данных мемуаров. После убийства Вацлава Воровского Троцкий и его жена стали как бы опекунами тяжело больной туберкулезом дочери Воровского Нины. Девушка на правах члена семьи почти каждый день приходила к ним в Кавалерский корпус Кремля. Между Львом Седовым и талантливой, но очень экзальтированной Ниной Воровской завязался бурный роман. Даже и после разрыва между ними добрые отношения двух семей не прервались. Более того, дружба приобрела еще и политическую окраску. Во второй половине 20-х годов Нина Воровская примкнула к «объединенной» оппозиции, возглавляемой Троцким, Зиновьевым и Каменевым. После же раскола рядов оппозиции, последовавшего вслед за XV съездом партии, Нина продолжала считать себя троцкисткой. Серьезной подпольной работы она

вести не могла по состоянию здоровья. Однако с первых же дней существования Красного Креста большевиков-ленинцев включилась в его деятельность. О ней мы читаем в «Бюллетене оппозиции» в марте 1931 года:

«Умерла Нина Воровская, 23-х лет, сгорев в огне туберкулеза. Дочь В. В. Воровского, старого революционера-большевика, убитого в Швейцарии белым террористом, Нина унаследовала от отца самостоятельный и строптивый склад характера, общую талантливость натуры, иронические огоньки в глазах, но – увы! – также и тяжкий недуг».

По всей вероятности, автором некролога является сам Лев Троцкий. Он продолжает так:

«Уже то, что сказано о психологическом складе Нины, объясняет достаточно, как и почему она в совсем еще юном возрасте примкнула к оппозиции. Примкнув, она не знала уже ни сомнений, ни колебаний. Ее комната в Москве была одним из очагов комсомольской и партийной оппозиции. Нина рвала с друзьями в тот час, когда они рвали с оппозицией. Из комсомола Воровская была исключена, о принятии в партию не могло быть и речи.

От отца – кажется, также и от матери – Нина унаследовала и артистические данные: она была оригинальной рисовальщицей. [...] За границей (в Берлине. – *М. К.*) она подверглась тяжелой операции (торакопластика). Прежде чем Нина

успела оправиться, ее срочно вызвали в Москву, через полпредство. Полуофициально ей объяснили внезапный вызов валютными соображениями. В действительности же власти установили, несомненно, связи Нины с нами и с иностранными оппозиционерами и решили сразу оборвать ее пребывание за границей... Судьба не дала Нине развернуть свою личность. Но все, кто знал ее, сохраняют в своей памяти этот прекрасный и трагический образ».

После кончины Нины доброе отношение к ней Троцкий как бы перепроецировал на Вацлава Вацлавовича Воровского. А по словам известного троцкиста Виктора Далина, хорошо знавшего Нину Воровскую, Лев Седов как-то передал тяжело больной девушке в Москву с оказией: «Старик работает над биографией твоего отца».

* * *

Упомянем еще один (правда, побочный) импульс, побудивший Троцкого написать о Воровском. Среди бумаг Льва Троцкого, которые он незадолго до своей гибели передал на хранение в Гарвард, в отдельной папке сохранились заготовки к полемике с итальянским политиком и дипломатом Сфорцей. В своей книге Сфорца вложил в уста Воровского немало пошлости, не свойственной советскому дипломату, и самой дешевой клеветы. В годы эмиграции Троцкий доволь-

но часто встречался с измышлениями такого рода. Поэтому-то книга Сфорцы, попадаясь постоянно на глаза Троцкому в его рабочем кабинете, подталкивала его к работе над мемуарным сборником «Мы и они». «... Я хотел бы написать статью: Ленин, Воровский и граф Сфорца. Этот поганенький либерально-сиятельный итальянский дипломат гнусно оклеветал Ленина и Воровского. Разоблачить и уличить его можно беспощадно. Книга Сфорцы вышла на всех языках и широко рекламировалась в Америке. Как Вы думаете, нашлось бы место для такой статьи?» – советовался Троцкий 25 января 1932 года все с тем же Максом Истменом, который одно время служил посредником между Троцким и американскими журналами и издательствами.

Мемуарная канва жизни Вацлава Воровского у Троцкого в конце концов застопорилась. Зато в работе над книгой «Мы и они» он довольно успешно продвинулся, вырисовывая портрет Леонида Красина. Их многолетние отношения складывались в различные периоды жизни диаметрально противоположно. Большевик-примиренец, «техник номер один» российского подполья (кто только не пользовался бомбами и капсюлями из его подпольной лаборатории и не жертвовал ему денег «на террор»!), Красин с самого начала довольно хорошо относился к Троцкому. Их добрым контактам, установившимся в 1905 году, ничуть не мешало недавнее меньшевистское прошлое Троцкого, объявившего себя «внефракционным социал-демократом», и его упорное

нежелание склонить выю перед Лениным. Судя по всему, Красин ценил тогда в Троцком и незаурядного человека и политика большого масштаба. Троцкого же с самого начала подкупал широкий размах Красина, его душевная доброта. (Будучи человеком довольно сухим, Троцкий, как правило, легко сходилась со своими антиподами.)

Неизвестно, насколько интенсивно поддерживали Красин и Троцкий отношения между собой в период революционного спада, – в биографических записках Троцкого, оставшихся неоконченными, сохранилась лишь коротенькая сцена, да и то со слов Надежды Крупской, о том, как Красин отошел от рабочего движения. Зато встретились Красин и Троцкий снова в 1917 году в Петрограде, по сути дела политическими противниками. Если Троцкий находился в то время на крайне радикальном крыле российского рабочего движения, то, проштудировав письма Красина в Амстердамском институте социальной истории, остается неясным, можно ли причислять в это время Красина вообще к социал-демократии?

Как не похож Леонид Красин в этих письмах на портреты, долгие годы выполнявшиеся по заказам свыше московскими богомазами! В доверительных письмах к жене звучит самая непримиримая критика политики большевиков, насильственно взявших власть в свои руки (как считал Красин) путем вооруженного переворота в октябре 17-го; особенно резки выпады в адрес Троцкого и Ленина. Подобная позиция отчетливо прослеживается у Красина вплоть до 1919-го и да-

же до начала 1920 года. Однако она не помешала ему (впрочем, как и Горькому, и почти всем бывшим участникам группы «Вперед!», и запрещенной по личной инициативе Ленина редакции «Новая жизнь») совершить превращение из Савла в Павла на пути в Дамаск.

Несмотря на весь наносной цинизм богатого промышленника и сибарита «товарищ Никитич» сдавал после октябрьского переворота свои идейные позиции в муках и тревогах. И у самого начала этого нелегкого для Леонида Красина пути мы видим Льва Троцкого. Еще 5 ноября 1917 года Троцкий обратился к лидеру рабочих-металлистов Александру Шляпникову: «Нам необходим министр торговли и промышленности... Как вы относитесь, в частности, к кандидатурам Л. Б. Красина или Серебровского?» И именно по предложению того же Троцкого Красина включили (имея в виду его широкие связи в германских промышленных кругах) в мирную делегацию, которая с декабря 1917 года вела переговоры с представителями кайзера Вильгельма в Брест-Литовске. После этого между Красиным и Троцким восстановились коллегиальные, а затем постепенно наладились и старые дружеские отношения. Интенсивно общались они и в годы гражданской войны. Во время боевых действий против войск белых генералов и Антанты Леонид Красин принимал участие в работе Совета Труда и Оборона. Будучи председателем Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной Армии и одновременно наркомом торговли и промышленно-

сти, Леонид Красин обладал воистину диктаторскими полномочиями в области снабжения армии и организации экономики всего тыла. Многочисленные источники, сохранившиеся в архивных фондах, подтверждают слова Троцкого: «Все, что он делал, он делал хорошо».

В 1920 году конкретные контакты Красина с военным ведомством ослабли. На его место по просьбе Троцкого был назначен Алексей Рыков. Однако хорошие отношения Красина с Троцким из-за этого не прервались. А вскоре оба они почувствовали, что в глазах части партийного аппарата оказались «не ко двору». После того как Ленин в начале 1923 года полностью потерял работоспособность, партию большевиков (а следовательно, и высшее руководство Советской России) возглавила «тройка». Она состояла из Зиновьева, Каменева и Сталина (Зикаси – называли эту «тройку» современники с легкой руки записного остряка партийных съездов Давида Рязанова). С самого начала своего отнюдь не эфемерного существования «тройка» представляла интересы центрального, а особенно провинциального (губернского) партийного аппарата. Пользуясь столь весомой поддержкой, «тройка» уже в 1923 году *de facto* захватила власть на партийном Олимпе.

Неотлагательной своей задачей новоявленные «триумвиры» считали уже тогда полную изоляцию Льва Троцкого. Сталин даже помышлял об убийстве своего давнего врага, но отказался от этого замысла, боясь вызвать в ответ вол-

ну индивидуального террора со стороны молодых прозелитов Троцкого. Борьба против Льва Троцкого и многочисленной «группы 46-ти» – старых большевиков, выступивших с резким письмом в защиту внутрипартийной демократии, – детерминировала в середине 20-х годов почти всю деятельность возглавляемого «тройкой» Центрального Комитета. Более того, на партийном Олимпе была создана в помощь «тройке» еще и конспиративная «семерка» (Сталин, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков, Томский, Куйбышев). «Семерка» эта располагала собственным потаенным секретариатом, особым шифром, фельдъегерями и даже ответвлениями в некоторых губкомах. Именно на тайных собраниях «семерки», по сути дела, и решались вплоть до лета 1925 года (времени разрыва Сталина с Каменевым и Зиновьевым) все важнейшие вопросы партийной и государственной жизни. Лишь после тайных постановлений на заседаниях «семерки» те же самые вопросы выносились на совещания Политбюро и Совнаркома.

* * *

Подобное положение вещей не составляло особого секрета для Льва Троцкого. Понимая, что борьбу с ним ведут самым некорректным образом, и презирая, как он любил выражаться в семейном кругу, «эту сталинскую методику», Троцкий все же весьма тяжело переносил вынужденную изоля-

цию. И как бы в ответ на интриги «тройки» и «семерки» он стал манкировать заседаниями Политбюро и Совнаркома. А коли Троцкий и присутствовал на этих совещаниях, то демонстративно углублялся во французские и английские газеты либо обменивался записками с Леонидом Красиным, который, видя затравленность Троцкого, непременно садился рядом с ним.

А как же складывалось положение самого Красина на пороге «новых времен»? Судя по письмам к жене, Красин сначала думал, что с ним будут продолжать считаться. Более того, в 1924 году Леонида Красина после семнадцатилетнего перерыва избрали членом ЦК. Но за внешними почестями не последовали назначения на должности, от которых зависело экономическое развитие страны. Не вызвало в недрах партократии большого энтузиазма и выступление Красина на XIII съезде ВКП(б), в котором он протестовал (со своих старых позиций технократа) против дублирования управления хозяйством одновременно по партийной и по государственной линии.

Видя, что в результате всего этого положение начинает складываться не в его пользу, Леонид Красин, оставаясь ключевой фигурой в системе Наркомата иностранных дел, обычно не задерживался в советской столице во время своих приездов. Но как бы он ни спешил, все же всегда выкраивал время навещать Льва Троцкого. В словах Троцкого о Красине мы слышим как бы отзвуки их тогдашних довери-

тельных бесед, хотя политическими союзниками в середине 20-х годов они так и не стали. Притом, что Леонид Красин полностью разделял воззрения Троцкого о необходимости «интенсификации» борьбы с бюрократической элитой, захватившей власть в стране, «товарищ Никитич» оставался сторонником демократизации не только в стане большевиков, но и во всем обществе. К подобным выкладкам Лев Троцкий придет гораздо позже, лишь в 30-е годы, во время своей работы над серией статей о последствиях сталинского термидора и над глубоко аналитичным трудом «Что такое СССР и куда он идет?» – книгой, не вышедшей на русском языке при жизни автора и известной на Западе под названием «Преданная революция».

Так и не опубликовав почему-то свои мемуары о Красине, Троцкий время от времени вспоминал о нем: то в политическом дневнике, а то и в манускрипте биографии Сталина. Всегда в спокойных, объективных тонах.

* * *

Если о ком-то из предполагаемых героев сборника политических портретов Лев Троцкий отзывался исключительно восторженно, то в первую очередь о Христиане Раковском. «Болгарин по происхождению...но румынский подданный силою балканской карты, французский врач по образованию, русский по связям, симпатиям и литературной работе,

Раковский владеет всеми балканскими языками и четырьмя европейскими, активно участвовал в разные периоды во внутренней жизни четырех социалистических партий – болгарской, русской, французской и румынской, – чтобы впоследствии стать одним из вождей советской федерации, одним из основателей Коминтерна, председателем Украинского совета народных комиссаров, дипломатическим представителем Союза в Англии и во Франции и чтобы разделить затем судьбу левой оппозиции. Личные черты Раковского – широкий интернациональный кругозор и глубокое благородство характера – сделали его особенно ненавистным для Сталина, воплощающего прямо противоположные черты», – характеризовал его Троцкий в «Моей жизни»,

Раковский и Троцкий впервые встретились в Париже в 1903 году. Одновременно находились они и в Штутгарте четыре года спустя, на конгрессе II Интернационала. В 1910 году Лев Троцкий совершил поездку по Балканам и смог вблизи наблюдать политическую деятельность Христиана Раковского. А затем последовали новые встречи: Вена, где Раковский старался материально помочь выходу «Правды» и других «троцкистских» изданий, Бухарест (когда Троцкий снова объехал Балканы в качестве военного корреспондента в 1913 году) и, наконец, Циммервальд: в сентябре 1915 года оба они стояли на левых позициях даже в этом кругу антимилицаристски настроенных социалистов, хотя некомпетентные исследователи и по сей день клеймят их «центри-

стами». И в Петроград Троцкий и Раковский прибыли почти одновременно, в мае 1917 года. Правда, они несколько месяцев не состояли в одной и той же партии, а это значило, что не виделись слишком часто. Троцкий стал «межрайонцем», а затем большевиком. Раковский же вступил в ряды меньшевиков-интернационалистов, его больше привлекали тогда умеренные взгляды Мартова и Мартынова, нежели радикализм Ленина и Троцкого. Но с декабря 1917-го позиции Троцкого и Раковского заметно сближаются.

«Исторической судьбе было угодно, чтобы Раковский, болгарин по происхождению, француз и русский по общему политическому воспитанию, румынский гражданин по паспорту, неоднократно изгонявшийся из Румынии за свою непримиримую революционную деятельность, оказался главой правительства в Советской Украине», – говорится в книге «Очерки политической истории Румынии», изданной в 1922 году Троцким и Раковский совместно. Однако в данном случае «историческую судьбу» отождествлял не в последнюю очередь сам Лев Троцкий, второй после Ленина по влиянию политический деятель в Советской России в годы гражданской войны. Именно стараниями Троцкого Раковский был назначен главой харьковского правительства (и одновременно наркомом иностранных дел Советской Украины) вопреки сопротивлению Пятакова и Антонова-Овсеенко. Кто бы мог подумать, что все трое вождей Советской Украины вскоре станут «троцкистами», во время внутривла-

тийной фракционной борьбы, а Раковский к тому же не просто «оппозиционером», а еще и хранителем номер один традиций оппозиции 1923 года после высылки Льва Троцкого из Советского Союза.

Деятельность Раковского-оппозиционера в наши дни практически не изучена. Из его (отчасти конспиративной) переписки с Троцким даже исследователям известны лишь фрагменты. Письма Раковского из Астрахани Троцкому в Алма-Ату – это как бы ключ к дружбе двух образованнейших интеллектуалов, сброшенных волею вершителей «генеральной линии» с Олимпа власти в самую гущу повседневной жизни. Но и в ссылке Троцкого и Раковского волновали в первую очередь не трудности быта. Сутью их жизни являлись размышления типа *Quo vadis?*² когда речь заходила о политическом положении страны и о собственной духовной жизни.

«Переписка находится в полном расстройстве, даже с Москвой. Письма, отделенные друг от друга двумя и даже тремя неделями, получают одновременно (если получают вообще). Не знаю, что виною – метеорологические или иные какие силы. [...] Иностранные газеты стал получать сейчас из Москвы и из Астрахани», – говорится в письме Троцкого, отправленном в первых числах апреля 1928 года сразу трем адресатам – Евгению Преображенскому, Николаю Муралову и Христиану Раковскому. Последний же, и

² Куда идти? (лат.)

сам находясь в трудных условиях ссылки, успокаивал Троцкого: «В сравнении со мной у тебя громадные неудобства... Тем не менее я думаю, что недостающие тебе книги можно будет выписывать из Москвы. По-моему, кроме текущей работы было бы чрезвычайно важно, если ты выбрал бы какую-нибудь тему, которая заставила бы тебя, вроде моего Сен-Симона, многое пересмотреть и перечитать под известным углом зрения».

В Астрахани в 1928 году Раковский усиленно работал над книгой о Сен-Симоне, однако круг его интересов был предельно разнообразен:

«...с первых дней я стал знакомиться интенсивно со старинной и новой литературой, со статистическими и научными материалами. Письма из Москвы приходят здесь на пятый, а иногда на шестой день, газеты на третий день. Здесь имеется киоск, где получают даже и некоторые немецкие газеты, но не все номера. [...] Взял с собой соч[инения] Диккенса (по-английски) и другую русскую беллетристику, с которой вообще я плохо знаком. Из русских авторов пока прочел только „Конную армию“ Бабеля... а из здешней библиотеки взял Сервантеса (полный перевод „Дон-Кихота“ с интересным предисловием Мериме) и Овидия... В обстановке, аналогичной с теперешней, я всегда перечитываю Дон-Кихота, и теперь он мне доставляет громадное удовольствие».

Наряду с чтением и работой над книгой о современниках

(о которой он подробно писал Троцкому – не послужило ли это, в свою очередь, для Троцкого дальнейшим импульсом?) Христиан Раковский старался путем рукописных воззваний и статей реагировать на происходящие вокруг него тлетворные события: террор внутрипартийный и касающийся всего общества, сплошная коллективизация, провал первого пятилетнего плана, по словам сталинских статистиков-фальсификаторов якобы выполненного за четыре года. Часть своих работ (их терминология оставалась неизменно ортодоксальной, но идейный nucleus³ вмещал в себя не только характерные черты пролетарской диктатуры, но и элементы демократии), словом, самые значительные труды времен ссылки Раковскому удалось переправить с помощью целой цепи посредников за границу, где они и публиковались в «Бюллетене оппозиции».

Резко выступал Христиан Раковский против «капитуляции» своих сподвижников. Поэтому-то Троцкий и другие лидеры международной антисталинской оппозиции упоминали Раковского всегда на первом месте, когда речь заходила о мучениях узников советских политизоляторов и колоний ссыльнопоселенцев. «Группа немецких рабочих... могла бы написать письмо Бернаруду Шоу, Роллану, М. Горькому, приветствовать их за поддержку СССР и в то же время потребовать от них вмешательства в пользу Раковского», – советовал Троцкий своему сыну Льву Седову, который как

³ Ядро, зерно (лат.).

раз устанавливал в Берлине контакты с рабочими лидерами.

А тем временем о Христиане Раковском доходили все более тяжелые известия. Гепеуры старались полностью изолировать его. Один обыск следовал за другим. Ссылку в Астрахань, город с тяжелым климатом, сменило изгнание в Барнаул, место с не менее трудными условиями, к тому же без всяких культурных традиций. У дома Раковского маячило всегда пять-шесть подозрительных соглядатаев в одинаковых кепках и пальто. И чем чаще о Раковском вспоминали прогрессивные круги Запада, тем более ужесточался его режим. Поэтому-то не было и дня, когда бы Лев Троцкий не вспоминал в кругу своих домашних о Раковском и его многострадальной семье. 2 сентября 1931 года Троцкий (под псевдонимом Г. Гуров) разослал в различные страны мира специальный циркуляр, объясняющий, как следует самым эффективным способом организовать борьбу за освобождение Раковского.

«О Христиане Раковском [...] надо поднять большую кампанию. Следовало бы написать хоть краткую биографию его. Я бы это сделал, если бы подобрать необходимые материалы. Я советую поручить это официально одному лицу в Берлине и Париже и болгарской организации. Надо разыскать статьи Раковского в советской печати, его старую книгу против румынского боярства (1909 г., кажется), мою книгу о Румынии с большим приложением Раковского и пр., и пр. Можно написать соответственное обращение ко всем секциям. [...]

Когда наберется достаточно материала, я написал бы биографию Раковского в два-три печатных листа. Это имело бы большое значение. Пока что кампанию нужно вести», – говорится в письме Троцкого Льву Седову от 27 февраля 1932 года.

Материалы о Христиане Раковском с самого начала лежали у Троцкого в кабинете в отдельной папке. 31 марта 1933 года он информировал сына: «Я сейчас работаю над биографией и характеристикой Раковского (в числе текущих работ). Толчком послужило, конечно, известие о его смерти. Хотя этот повод, к счастью, отпал, биографию надо будет все-таки выпустить, тем более что в августе ему исполняется 60 лет. К сожалению, материалов у меня здесь очень мало. Нет, в частности, ни одной его книги, ни докторской диссертации, ни книги о боярской Румынии, ни русской книги за подписью Инсарова о Франции и французах. Нет также почти ничего, что характеризовало бы деятельность Раковского как украинского предсовнаркома. Думаю, что в Париже кое-что можно добыть. Говорят, есть характеристика Раковского в книге Де-Монзи... Хорошо было бы получить эту книгу.

Параллельно я работаю также над биографиями Иоффе и Воровского. По другой линии хочу дать портрет Красина. Если попадутся материалы, особенно относительно Иоффе, прошу прислать».

Последний абзац письма свидетельствует о том, что рабо-

та над портретами современников превратилась у Троцкого в сизифов труд. Он сам, если и не махнул на нее, то, не имея нужных материалов под рукой, не видел ни конца, ни края. А порой и сама жизнь вносила коррективы в мемуары Троцкого. Ведь некоторые герои задуманной книги продолжали жить, да еще и выходили из его политической орбиты. Так, к примеру, Христиан Раковский, казавшийся поистине непреклонным в феврале 1934 года, «капитулировал» (под огромным давлением сталинских властей) и обратился в ЦК ВКП (б) с просьбой принять его обратно в партию. Довольное кремлевское руководство не только разрешило Раковскому вернуться из ссылки, но и организовало ему почетную встречу. На вокзале старого оппозиционера, измученного донельзя физически и морально, встретили пионеры с цветами и... Лазарь Каганович, второй секретарь ЦК, самый близкий в этот период к Сталину политик. Осенью того же 1934 года Раковский был послан с дипломатической миссией в Токио с делегацией Красного Креста. А в 1935 году, как бы пройдя испытательный срок, он был принят в партию. После этого фарса почти никого не удивило, что во время первых концептуальных политических процессов Христиан Раковский на страницах советской прессы потребовал для своих же недавних товарищей по оппозиционной деятельности смертной казни.

«Капитуляция» Раковского ударила Троцкого по голове, словно обухом. Поначалу он попытался, как обычно обра-

щаясь к марксистским постулатам, объяснить этот поступок усилением (либо ослаблением) определенных мировых классовых процессов. Во всяком случае, это следует из его письма сыну от 19 марта 1934 года:

«По поводу СССР надо указать, что процесс отчуждения от мирового рабочего движения продолжается и усугубляется: причина – в поражениях пролетариата и в ослаблении Коминтерна. В сознании рабочих процесс отражается так: везде побеждает фашизм. Мировой пролетариат оказывается не на высоте. Победа фашизма означает опасность для нас, а у нас дела идут все же на поправку, – значит надо как можно крепче держаться за аппарат, каков он ни есть. Уже в момент победы Гитлера в Германии мы писали и после не раз повторяли, что без успехов революции на Западе бюрократический режим на почве национального социализма будет в СССР только крепнуть. Истекшие 15 месяцев подтвердили это предвидение. Сдача Раковского и Сосновского (бывшего ведущего публициста „Правды“, известного оппозиционера. – *М. К.*) представляет одно из проявлений этой национальной реакции, вернее, интернациональной безнадежности. Держаться сейчас на позиции коммунистов-интернационалистов можно, только имея перед собой мировую перспективу, наблюдая и обобщая реальный ход развития или распада мировых рабочих организаций и реальные возможности, которые открываются перед

IV Интернационалом. От этих перспектив бывшие оппозиционеры в СССР герметически отделены. Разумеется, их сдача есть известный моральный удар для нас, но если вдуматься во всю обстановку и в индивидуальное положение каждого из них, буквально жившего в закупоренной бутылке, – никогда ничего [похожего] в мировой истории революционного движения не бывало, – то приходится скорее удивляться, как они удерживались или удерживаются на своей позиции до сих пор».

Но, как бы оправдывая Раковского такими доводами, Троцкий тем не менее не мог простить ему «капитуляции». Он даже попросил своего секретаря Ван Эйенорта разорвать большой портрет Христиана Раковского, который долгие годы висел в рабочей комнате Троцкого. А в дневнике, предназначенном отнюдь не для публикации, а как бы для беседы с будущим, появилась запись Троцкого от 20 февраля 1935 года:

«Раковский милостиво допускается на торжественные собрания и рауты с иностранными послами и буржуазными журналистами. Одним крупным революционером меньше, одним мелким чиновником больше!»

Вскоре Христиан Раковский стал одной из жертв мясорубки тридцатых. В 1937 году он был арестован и подвергнут, судя по дошедшему до нас заявлению, полному слов протеста, самым изощренным пыткам. Раковского обвини-

ли в том, что с 1924 года он являлся агентом британской Intelligence Service, а с 1934-го, после поездки в Токио, – еще и японской разведки. Заставляя Раковского признаваться в «преступных» связях с Троцким, следователи подготовили целый сценарий. Сломленный подсудимый покорно повторял заученные выражения, но вдруг посреди казенного набора фраз у него вырвалось что-то личное: «Я старше Троцкого и по возрасту, и по политическому стажу, и, вероятно, не меньше у меня политического опыта, чем у Троцкого». Иностранные журналисты, присутствовавшие в Октябрьском зале Дома союзов в один голос заметили, что на «Большом процессе» в марте 1938 года перед ними появился старый, болезненного вида, сломленный человек. Суд присудил тогда Раковского к 20 годам заключения и 5 годам поражения в гражданских правах. «...Раковский, отдавший 50 лет делу борьбы за освобождение трудящихся, может надеяться искупить свои мнимые преступления к 90-летию своего рождения!» – негодовал Лев Троцкий на страницах «Бюллетеня оппозиции». Равняется с чудом, что Раковскому дали возможность дожить до лета 1941 года. А тогда его расстреляли вместе с левой эсеркой Марией Спиридоновой и сестрой Троцкого Ольгой Каменевой во дворе Орловского центра.

* * *

После «капитуляции» Христиана Раковского у Троцкого

оставался в памяти «безоблачным» образ лишь одного своего старого друга – Адольфа Иоффе. «С венских дней началась наша дружба. Иоффе был человеком высокой идейности, большой личной мягкости и несокрушимой преданности делу». Эту краткую характеристику, данную Иоффе в «Моей жизни», Лев Троцкий несколько раз готовился повторить в развернутой форме, собрав воспоминания об их совместной деятельности. Из различных упоминаний об Адольфе Иоффе у Троцкого можно в конце концов составить целую мозаику-портрет, в центре которого совместное пребывание в венской эмиграции, а затем борьба со сталинской «генеральной линией» в середине 20-х. Характерно, что о самоубийстве Иоффе, затравленного кремлевской камарильей, Лев Троцкий вспомнил именно во время своего ареста в Москве в 1928 году. В минуты высылки Троцкого присутствовали лишь самые близкие друзья. Среди них была и Надежда Адольфовна Иоффе, оставившая интереснейшие воспоминания о дружбе своего отца со Львом Троцким. Не раз вспоминал высокие интеллектуальные и деловые качества Адольфа Иоффе Лев Троцкий и в годы эмиграции. Однако фрагменты мемуаров его о Иоффе так и не увидели свет. Предполагаемая книга портретов современников «Мы и они» осталась в рукописи.

И если советский читатель все же может познакомиться с портретами Красина и Воровского, Раковского и Иоффе, то он обязан этому исключительно бостонскому истори-

ку Юрию Фельштинскому. Составляя эту книгу, Фельштинский включил в нее также несколько малодоступных в Советском Союзе статей Троцкого, близких к мемуарному жанру. Статьи эти предельно субъективны, как и все, что выходило из-под пера Льва Троцкого. В то же время они свидетельствуют и о его прозорливости: к примеру, гипотеза Троцкого, почему был арестован Абель Енукидзе, подтверждена в наши дни архивными материалами, а воспоминания Марии Ульяновой о том, каким образом тяжелобольной Ленин просил у Сталина цианистый калий, также подтверждают давнишние размышления Льва Троцкого, когда он незадолго до смерти взялся описать свои подозрения в публицистическом шедевре с характерным названием «Сверх-Борджиа в Кремле». И наконец, благодаря стараниям составителя этой книги Юрия Фельштинского перед нами предстала целая картинная галерея современников Троцкого, со всеми их трагическими и противоречивыми чертами, та самая галерея, для которой он оставил, образно выражаясь, лишь кипу неразобранных холстов.

* * *

Мне посчастливилось познакомиться с Юрием Фельштинский в Бостоне в 1984 году. Молодой тогда еще историк как раз подступал к составлению своих многочисленных изданий рукописей Троцкого. С тех пор большинство этих пла-

нов осуществилось. А благодаря крушению постсталинской системы, наследие Троцкого начало возвращаться и к себе на родину. И хотя от Юрия Фельштинского Лев Троцкий безмерно далек в совокупности его идей перманентной и мировой революции, однако, не посвяти этот проницательный ученый, которому абсолютно чужды черты фанатерии и великодержавности многих советских историков, столько лет копированию пожелтевших бумаг в Бостоне, Стэнфорде и Амстердаме, не приложи он невероятные по упорству усилия к классификации в большинстве случаев впервые публикуемых документов, то много сотен раз проклятый «сталинской школой фальсификации» Лев Троцкий вряд ли смог бы снова стать в столь широких кругах в Советском Союзе предметом исследований.

Будапешт, 30 мая 1990 года

Миклош Кун

От редактора-составителя

В предлагаемый читателю сборник под общим названием «Портреты революционеров» включены написанные Троцким в разные периоды его жизни статьи и очерки о политических и партийных деятелях Советского Союза: Ленине, Сталине, Бухарине, Зиновьеве, Каменеве, Луначарском, Красине, Воровском, Иоффе, Горьком, Демьяне Бедном, Серебровском, Енукидзе, Томском, Чичерине, Раковском, Блюмкине и других. Часть этих очерков была закончена Троцким и предназначалась для публикации на иностранных языках, как, например, очерк о Ленине, написанный для Британской энциклопедии в 1926 году. Другие сохранились в черновиках. В особый раздел вынесены материалы незаконченной Троцким книги «Мы и они» («Они и мы»). Как следует из опубликованных в этом разделе выдержек из писем Троцкого М. Истмену, автор задумал эту книгу в 1931 году. Он неоднократно менял ее композицию, но закончить книгу так и не сумел, возможно потому, что интерес к работам Троцкого на Западе со временем уменьшался, и для книги не нашлось издателя, согласного заплатить за нее гонорар. По существу, Троцким была завершена только одна из глав книги – «Завещание Ленина»; остальные же главы – «Красин», «Воровский», «Иоффе», «Чичерин» и «Раковский» – остались в черновиках.

Материалы сборника «Портреты революционеров» публикуются по документам, хранящимся в архиве Троцкого, купленном в 1940 году Гарвардским университетом, в США. В книге использованы также материалы архива Троцкого – Истмена в библиотеке Лилли Индианского университета в США. Материалы публикуются с любезного разрешения администрации архива Троцкого Гарвардского университета и библиотеки Лилли Индианского университета.

Ю. Фельштинский

Бостон, США

Ленин

Очерк

Ленин (Ульянов Владимир Ильич) (1870—1924) – теоретик и политик марксизма, вождь партии большевиков, организатор Октябрьской революции в России, основатель и руководитель советских республик и Коммунистического Интернационала – родился 9/22 апреля 1870 года в городе Симбирске (ныне переименованном в Ульяновск).

Отец Ленина (Илья Николаевич) крестьянского происхождения, педагог. Мать, Мария Александровна, по рождению Берг⁴, – дочь врача. Старший брат Ленина (род. в 1866 г.) примкнул к движению народovolьцев, принимал участие в неудавшемся покушении на жизнь Александра III, был казнен на 22-м году жизни.

Ленин, третий из шести детей семьи, окончил Симбирскую гимназию в 1887 году с золотой медалью. Казнь брата навсегда вошла в его сознание и содействовала определению его дальнейшей судьбы.

Летом 1887 года Ленин поступает на юридический фа-

⁴ Фамилию матери Ленина Троцкий приводит по памяти и неправильно. На самом деле ее девичья фамилия Бланк.

культет Казанского университета, но в декабре того же года исключен за участие в студенческой сходке и выслан в село Кокушкино близ Казани в имение деда (с материнской стороны). Его ходатайства (1887 г.) о приеме вновь в Казанский университет, как и выезде за границу для продолжения образования, встречают отказ. Осенью Ленину разрешено вернуться в Казань, где он и начинает систематическое изучение Маркса и завязывает первые связи с членами местного марксистского кружка.⁵

В течение 1891 года Ленин успешно сдает экзамены при юридическом факультете Петербургского университета. В 1892 году он зачисляется в Самаре помощником присяжного поверенного. К этому и следующему году относится несколько судебных выступлений Ленина в качестве защитника. Однако главное содержание его жизни уже составляет изучение марксизма и применение его к исследованию путей хозяйственного и политического развития России.

Переехав в 1894 году в Петербург, Ленин завязывает связи среди рабочих и начинает пропагандистскую работу. К этому периоду относятся первые литературные работы Ленина, направленные против народников и фальсификаторов марксизма, и переходившие из рук в руки в рукописном ви-

⁵ В отличие от Троцкого, Ленин тщательно скрывал влияние народнической идеологии на свое духовное развитие в домарксистский период своей биографии. Однако в Институте Гувера (Стэнфорд, Калифорния) среди бумаг историка-эмигранта Сватикова хранится копия с двух работ Ленина – быть может, самых ранних среди известных – явно народнического характера.

де⁶. В апреле 1895 года Ленин выезжает впервые за границу, имея главной целью установить связь с марксистской группой «Освобождение труда» (Плеханов, Засулич, Аксельрод). По возвращению в Петербург он организует нелегальный «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», который быстро превращается в значительную организацию, развивает пропагандистскую и агитационную работу среди рабочих и учащихся и завязывает связи с провинцией. В декабре 1895 года Ленин и его ближайшие сотрудники подвергаются аресту. 1896 год Ленин проводит в тюрьме, где работает над изучением путей экономического развития России. В феврале 1897 года его отправляют в трехлетнюю ссылку в Восточную Сибирь, в Енисейскую губернию. К этому времени (1898 г.) относится брак Ленина с Н. К. Крупской, его товарищем по работе в СПб Союзе и верной его сподвижницей в течение дальнейших 26 лет жизни и революционной борьбы. За время ссылки Ленин заканчивает свой важнейший экономический труд «Развитие капитализма в России», основанный на методической проработке огромного статистического материала (Петербург, 1899).

В 1900 году Ленин выезжает в Швейцарию с целью организовать за границей, совместно с группой «Освобождение труда», издание революционной газеты, предназначенной для России. К концу года в Мюнхене уже выходит Но

⁶ В первую очередь главы книги «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?»

1 газеты «Искра» с эпиграфом: «Из искры возгорится пламя». Целью газеты является организация централизованной подпольной революционной партии социал-демократов, которая во главе пролетариата открыла бы борьбу с царизмом, вовлекая в нее угнетенные народные массы, и прежде всего многомиллионное крестьянство.

В выпущенной Лениным вскоре брошюре «Что делать?» всесторонне развивается идея организации сплоченного кадра профессиональных революционеров, беззаветно преданных делу революции и спаянных железной внутренней дисциплиной.

Идея централизованного партийного руководства борьбой пролетариата во всех ее формах и проявлениях тесно связывается у Ленина с идеей гегемонии рабочего класса в демократическом движении страны. Становясь стержнем ленинского мировоззрения и практической борьбы, идея гегемонии непосредственно переходит в программу диктатуры пролетариата, когда 1905 год и февраль 1917-го готовят условия для октябрьского переворота.

Созванный в июле-августе 1903 года II съезд РСДРП (Брюссель – Лондон) принимает выработанную Плехановым и Лениным программу, но заканчивается историческим расколом партии на большевиков и меньшевиков. Отныне Ленин начинает свой самостоятельный путь как вождь фракции, а затем партии большевиков. Начавшись с вопросов организации партии, разногласия вскоре углубляются вопро-

сом об отношении к буржуазному либерализму, с одной стороны, к крестьянству – с другой. Меньшевики стремятся согласовать политику русского пролетариата с либеральной буржуазией. Ленин видит ближайшего союзника пролетариата в крестьянстве. Эпизодические сближения с меньшевиками не приостанавливают все большего и большего расхождения двух линий: революционной и оппортунистической, пролетарской и мелкобуржуазной. В борьбе с меньшевизмом выковывается политика, приведшая впоследствии к разрыву со II Интернационалом (1914), к Октябрьской революции (1917) и к замене скомпрометированного социал-демократического названия партии коммунистическим (1918).⁷

Поражение армии и флота в русско-японской войне, расстрел рабочих 9 января 1905 года, аграрные волнения и политические забастовки создают революционную ситуацию в стране. Программа Ленина: подготовка вооруженного восстания масс против царизма, создание временного революционного правительства, которое должно организовать революционно-демократическую диктатуру рабочих и крестьян для радикальной очистки страны от царизма, крепостничества и всякого вообще средневекового хлама. В соответствии с этим, на III съезде партии, состоявшем из одних большевиков (май 1905 г.), принимается новая аграрная программа конфискации помещичьих и царских земель.

В октябре 1905 года начинается всероссийская забастов-

⁷ Перемена названия произошла на VII съезде партии в марте 1918 года.

ка. 17 октября царь издает «конституционный» манифест. В начале ноября Ленин возвращается из Женевы в Россию и в первой же статье призывает большевиков⁸, в связи с новой обстановкой, расширить организацию, привлекая в партию широкие круги рабочих, но сохраняя нелегальный аппарат, в предвидении неизбежного удара контрреволюции. В декабре царизм переходит в контрнаступление. Восстание в Москве в конце декабря, без поддержки армии, без одновременного восстания в других городах и без достаточного отклика деревни, вскоре подавляется.

В событиях 1905 года Ленин выдвигает три момента: 1) временный захват народом действительной, то есть не ограниченной классовыми врагами политической свободы, помимо и вопреки всех наличных законов и учреждений; 2) создание новых, пока еще потенциальных органов революционной власти, в виде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; 3) применение народом насилия по отношению к насильникам над народом. Эти выводы 1905 года станут руководящими принципами политики Ленина в 1917 году и приведут к диктатуре пролетариата в форме Советского государства.

Разгром Декабрьского восстания в Москве отодвигает массы на второй план. Авансцену занимает либеральная буржуазия. Начинается эпоха первых двух Дум. Ленин форми-

⁸ Название этой статьи В. И. Ленина «О реорганизации партии». Дата ее написания – ноябрь 1905 года.

рует в этот период принципы революционного использования парламентаризма в непосредственной связи с борьбой масс в целях подготовки их к новому периоду наступления.

В декабре 1907 года Ленин выезжает из пределов России, чтобы вернуться в нее лишь в 1917 году. Открывается эпоха победоносной контрреволюции, преследований, ссылок, казней, эмиграции. Ленин ведет борьбу против всех течений упадочничества в революционной среде: против меньшевиков, проповедовавших ликвидацию (отсюда «ликвидаторы») подпольной партии и переход к чисто легальной деятельности в рамках псевдоконституционного строя; против «примиренцев», не понимавших противоположности большевизма и меньшевизма и пытавшихся занять среднюю позицию; против авантюризма социалистов-революционеров, пытавшихся личным террором заменить недостаточную активность масс; наконец, против сектантства части большевиков, так называемых «отзовистов», требовавших отозвания социал-демократов из Думы во имя непосредственно революционных действий, для которых обстановка не открыла возможностей. В эту глухую эпоху Ленин обнаружил сочетание двух основных своих качеств: непримиримой революционности основной линии и безошибочного реализма в выборе методов и средств.

Одновременно Ленин ведет развернутым фронтом борьбу против попыток ревизии теоретических основ марксизма, на которые опирается вся его политика. В 1908 году он пи-

шет капитальное исследование⁹, посвященное основным вопросам познания и направленное против идеалистической, по существу, философии Маха и Авенариуса и их русских последователей, пытавшихся соединить эмпириокритицизм с марксизмом и проводивших в политике отзовизм. Опираясь на огромную проделанную им научную работу, Ленин доказывает, что методы диалектического материализма, как они сформулированы Марксом и Энгельсом, полностью подтверждаются развитием научной мысли вообще, естествознания в особенности. Так, революционная борьба, не упускавшая из виду самых мелких практических вопросов, шла у Ленина всегда рука об руку с теоретической борьбой, поднимавшейся до самых высоких достижений обобщающей мысли.

1912-1914 годы характеризуются новым подъемом рабочего движения в России. В режиме контрреволюции обнаруживаются трещины. В начале 1912 года Ленин созывает в Праге тайную конференцию русских организаций большевиков. «Ликвидаторы» объявляются вне партии. Разрыв с меньшевизмом принимает окончательный и бесповоротный характер. Избирается новый ЦК. Ленин организует из-за границы издание в Петербурге легальной газеты «Правда», которая в постоянной борьбе с цензурой и полицией оказывает руководящее влияние на передовых рабочих.

В июле 1912 года Ленин с ближайшими своими сотруд-

⁹ Имеется в виду работа В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

никами переезжает из Парижа в Краков, с целью облегчить свои отношения с Россией. Революционный подъем в России нарастает, обеспечивая тем самым перевес большевизма. Ленин в оживленных отношениях с Россией почти ежедневно посылает статьи под различными псевдонимами для легальных большевистских газет, досказывая необходимые выводы в нелегальной печати. В этот период, как и раньше, так и позже, Н. К. Крупская стоит в центре всей организационной работы, принимает приезжающих из России товарищей, дает инструкции отъезжающим, устанавливает нелегальные связи, пишет конспиративные письма, зашифровывает и расшифровывает. В июле 1913 года Ленин переезжает в местечко Поронин (Галиция), еще ближе к границе. Здесь застигает его объявление войны. Австрийская полиция, заподозрив в Ленине русского шпиона, подвергает его аресту, но через две недели освобождает и высылает в Швейцарию.

Начинается новая широкая полоса в работе Ленина, сразу получающая интернациональный размах. Манифест, опубликованный Лениным 1 ноября от имени партии, определяет империалистический характер войны и виновность в ней всех великих держав, издавна подготовлявших кровавую борьбу за расширение рынков и за разорение конкурентов. Патриотическая агитация буржуазии обоих лагерей, со сваливанием вины друг на друга, объявляется маневром для одурачивания рабочих масс. Манифест констатирует переход большинства европейских социал-демократических во-

ждей на позицию защиты отечественной буржуазии, срыв ими решений международных социалистических конгрессов и крах II Интернационала. С точки зрения русских социал-демократов, заявляет манифест, поражение царизма было бы наиболее выгодным из исходов войны. Поражение «своих» правительств должно быть лозунгом социал-демократов всех стран. Ленин подвергает беспощадной критике не только социал-патриотизм, но и разных оттенков пацифизм, который, мечтая о мире, капитулирует перед войной и, занимаясь платоническими протестами, отказывается от революционной борьбы с империализмом.

Теоретики и политики II Интернационала усугубили старые обвинения Ленина в анархизме. На самом деле через всю теоретическую и практическую работу Ленина, и до и после 1914 года, проходит борьба не только с реформизмом, который с началом войны превратился в опору империалистической политики имущих классов, но и с анархизмом и со всеми вообще разновидностями революционного авантюризма.

1 ноября 1914 года Ленин выдвигает программу создания нового Интернационала, которому «предстоит задача организации сил пролетариата для революционного натиска на капиталистические правительства для гражданской войны против буржуазии всех стран за политическую власть, за победу социализма».

В сентябре 1915 года в Циммервальде (Швейцарии) собирается первая конференция европейских социалистов, сто-

ящих в оппозиции к империалистической войне (всего 31 человек). Левое крыло циммервальдской, а затем кинтальской конференции явилось, под руководством Ленина, основным ядром будущего Коммунистического Интернационала, программа, тактика и организация которого вырабатывались под руководством Ленина. Им непосредственно вдохновлялись решения первых четырех конгрессов Коминтерна.

К своей борьбе в международном масштабе Ленин был подготовлен не только своим общим глубоким образованием на марксистской основе, не только опытом революционной борьбы и партийного строительства в России, но и детальным знакомством с мировым рабочим движением. Он непосредственно следил в течение долгого ряда лет за внутренней жизнью важнейших капиталистических государств. Хорошо владея английским, немецким и французским языками, Ленин читал также по-итальянски, по-шведски, по-польски. Реалистическое воображение и политическая интуиция позволяли ему нередко по отдельным явлениям восстанавливать картину целого. Всегда и неизменно Ленин был против механического перенесения методов одной страны на другую, рассматривая и разрешая вопросы революционного движения не только в их международной взаимозависимости, но и в их национальной конкретности.

Февральская революция 1917 года застаёт Ленина в Швейцарии. Его попытки проехать в Россию наталкиваются

на решительное сопротивление британского правительства. Ленин решает использовать антагонизм воюющих стран и проехать в Россию через Германию. Удача этого плана дает врагам повод для неистовой кампании клеветы, которая, однако, уже бессильна помешать Ленину встать во главе партии, а вскоре и во главе революции.

В ночь на 4 апреля, сейчас же по выходе из вагона, Ленин выступает на Финляндском вокзале с речью, основные мысли которой он повторяет и развивает в ближайшие дни. Низвержение царизма, говорит Ленин, явилось лишь первым этапом революции. Буржуазная революция уже не может удовлетворить массы. Задача пролетариата – вооружаться, усиливать значение Советов, пробуждать деревню и готовиться к завоеванию власти во имя социалистического переустройства общества.

Далеко идущая программа Ленина не только оказывается неприемлемой для деятелей патриотического социализма, но и вызывает возражения в среде самих большевиков. Плеханов называет программу Ленина «бредовой». Но Ленин строит свою политику не на настроениях временных вождей революции, а на взаимоотношениях классов и логике движения масс. Он предвидит, что рост недоверия к буржуазии и к Временному правительству будет с каждым днем увеличиваться, что партия большевиков достигнет большинства в Советах и что к ним должна будет перейти власть. Маленькая ежедневная газета «Правда» становится отныне

в его руках могущественным орудием низвержения буржуазного общества.

Политика коалиции с буржуазией, проводившаяся социалистами-патриотами, и вынужденное союзниками безнадежное наступление русской армии на фронте возбуждают массы и приводят в Петрограде к вооруженным демонстрациям в первые дни июля. Внутренняя борьба достигает остроты. 5 июля опубликованы грубо сфабрикованные контрразведкой «документы», долженствующие свидетельствовать, что Ленин действует по поручению германского генерального штаба¹⁰. К вечеру прибыли вызванные Керенским с фронта «надежные» части и юнкера из окрестностей Петрограда, которые заняли город. Движение было подавлено. Травля против Ленина достигла апогея. Он перешел на нелегальное положение, скрываясь сперва в Петрограде, затем в Финляндии и сохраняя постоянную связь с руководящими элементами партии.

Июльские дни и последовавшая расправа вызывают резкий подъем в массах. Предвидение Ленина оправдывается по всей линии. Большевики получают большинство в Советах Петрограда и Москвы. Ленин требует решительных действий для захвата власти, открывая, со своей стороны, непримиримую борьбу против колебаний на верхах партии. Он пишет статьи, брошюры, официальные и частные письма,

¹⁰ Приказ об аресте Ленина был отдан Временным правительством 6 июля 1917 года.

подвергая вопрос о захвате власти освещению со всех сторон, опровергая возражения, рассеивая опасения. Он рисует неизбежное превращение России в иностранную колонию при продолжении политики Милюкова – Керенского и предсказывает сознательную сдачу ими Петрограда немцам с целью разгрома пролетариата. «Теперь или никогда!» – повторяет он в страстных статьях, письмах и беседах.

Восстание против Временного правительства, намеченное решением ЦК, под давлением Ленина, на 10 октября, ходом вещей отодвинулось на 25 октября¹¹. В этот день Ленин впервые после трех с половиной месячного пребывания в подполье появляется в Смольном, откуда непосредственно руководит борьбой. В ночь на 27-е он выступает на заседании Съезда Советов с проектом декрета о мире (принят единогласно) и декрета о земле (принят всеми против одного, при восьми воздержавшихся). Большевистским большинством съезда, при поддержке группы левых эсеров, объявляется переход власти к Советам. Назначается Совет Народных Комиссаров во главе с Лениным. Из лесного шалаша¹², где Ленин скрывался от преследований, он непосредственно

¹¹ Судя по некоторым источникам, Ленин советовал начать восстание между 15 и 20 октября. 10-го же октября 1917 года на заседании ЦК обсуждался вопрос о необходимости восстания, но о сроках присутствующие высказывались неопределенно.

¹² Троцкий описывает события слишком большими мазками. Из шалаша в Разливе Ленин в августе 1917 года переезжает в Финляндию и лишь в конце сентября перебирается в Петроград.

переходит на вершину власти.

Пролетарский переворот быстро распространяется по стране. Советы становятся господами положения в городе и деревне. При этих обстоятельствах Учредительное собрание, собравшееся 5 января, оказывается явным анахронизмом. Конфликт между двумя этапами революции налицо. Ленин не колеблется ни на минуту. В ночь на 7 января ВЦИК, по докладу Ленина, принял декрет о роспуске Учредительного собрания. Диктатура пролетариата, учит Ленин, обозначает максимум действительного, а не формального демократизма для трудящегося большинства, ибо обеспечивает ему реальную возможность воспользоваться свободами, передавая в руки трудящихся все те материальные блага (здания для собраний, типографии и прочее), без которых «свобода» остается пустым звуком и иллюзией. Диктатура пролетариата, по Ленину, есть необходимая ступень к уничтожению классового общества.

Вопрос о войне и мире вызвал новый кризис партии и власти. Значительная часть партии звала к «революционной войне» против Гогенцоллерна, не считаясь ни с хозяйственным положением страны, ни с настроением крестьянства. Ленин, считавший необходимым затягивать переговоры с немцами в агитационных целях как можно дольше, требовал, однако, чтобы в случае ультиматума с их стороны был подписан мир хотя бы ценой территориальных уступок и контрибуций: уступить в пространстве, чтобы выиграть во

времени, – развивающаяся на Западе революция раньше или позже аннулирует тяжелые условия мира. Политический реализм Ленина обнаружился в этом вопросе во всей своей силе. Большинство Центрального Комитета – против Ленина – делает еще попытку, «объявив состояние войны прекращенным, отказаться в то же время от подписания империалистического мира». Это приводит к возобновлению немецкого наступления. После ожесточенных прений в ЦК на заседании 18 февраля Ленин завоевывает большинство за свое предложение немедленно возобновить переговоры и подписать немецкие условия, еще более отягченные.

Советское правительство, по инициативе Ленина, переселяется в Москву. Добившись мира, Ленин выдвигает перед партией и страной вопросы хозяйственного и культурного строительства.

Как всегда, он ставит вопросы ребром: «Не надо самообманов... Надо измерить целиком, до дна, всю ту пропасть поражения, расчленения, порабощения, унижения, в которую теперь нас толкнули. Чем яснее мы поймем это, тем более твердой, закаленной, стальной сделается наша воля к освобождению...»

Но тягчайшие испытания еще впереди. Контрреволюционное движение надвигается с окраин. На Северном Кавказе формируются белогвардейские армии. Эсеры и меньшевики усиливают свою враждебную активность. К концу лета 1918 года центральная Россия оказывается окруженной контрре-

волюционным кольцом. Рука об руку с отечественной контр-революцией идет на Волге восстание чехословаков¹³, на севере и юге – интервенция англичан (2 августа – Архангельск, 14 августа – Баку). Прекращается подвоз продовольствия. В этих беспрецедентных по трудности условиях, когда казалось, что выхода нет, Ленин не отходит от руля партии и государства ни на час. Он дает оценку каждой новой опасности, указывает пути спасения, агитирует на собраниях и в печати, извлекает из рабочей массы все новые и новые силы, организует поход рабочих в деревню за хлебом, руководит созданием первых военных отрядов, следит по карте за движением врага, сносится по прямому проводу с молодыми отрядами Красной Армии, заботится в центре об их вооружении и снабжении, следит за международным положением, ориентируясь на противоречия в лагере империалистов, и в то же время находит время для внимательных бесед и с первыми иностранными революционерами, прибывающими на советскую почву, и с советскими инженерами по поводу планов электрификации, новых методов использования торфа, развития сети радиостанций и прочее, и прочее.

30 августа эсерка Каплан подстерегает Ленина у входа в помещение рабочего митинга и производит в него два выстрела. Это покушение ожесточает гражданскую войну.

¹³ Начался мятеж Чехословацкого корпуса в 20-х числах мая 1918 года и вскоре распространился на огромной территории вдоль железнодорожных артерий от Владивостока до Самары.

Крепкий организм Ленина быстро справляется с ранениями. В дни выздоровления он пишет брошюру «Пролетарская революция и ренегат Каутский», направленную против виднейшего теоретика II Интернационала. 22 октября он уже выступает с речью.

Война на внутренних фронтах остается по-прежнему главным содержанием его работы. Хозяйственные и административные проблемы занимают по необходимости служебное место. Питаемая извне гражданская война в полном разгаре. Только благодаря титанической энергии Ленина, его зоркости и неколебимой воле борьба заканчивается (в начале 1921 г.) полным подавлением контрреволюции. Государственная организация крепнет. Суровая школа гражданской войны выдвигает закаленные кадры организаторов.

Октябрьская революция рассматривалась Лениным всегда в перспективе европейской и мировой революции. То обстоятельство, что война не привела непосредственно к социалистическому перевороту в Европе, побудило Ленина в начале 1921 года по-новому поставить вопросы внутреннего хозяйственного режима. Социалистическое строительство невозможно без соглашения между пролетариатом и крестьянством. Поэтому партия должна радикально перестроить вызванный гражданской войной режим «военного коммунизма», заменить изъятие «излишков» у крестьянина правильно поставленным налогом и допустить частный товарообмен. Эти мероприятия, проведенные Лениным при пол-

ном сочувствии всей партии, открыли собой новую полосу в развитии Октябрьской революции, под именем «новой экономической политики».

В своей политике внутри Советского Союза Ленин с величайшим вниманием относится к положению национальностей, угнетавшихся царизмом, и всеми мерами стремится создать для них условия свободного национального развития. Ленин ведет беспощадную борьбу против всякого проявления великодержавных тенденций в государственном аппарате, тем более внутри партии. Обвинения в национальном гнете¹⁴, выдвигавшиеся против Ленина и его партии со ссылками на Грузию и прочее, порождались на самом деле не национальной борьбой, а острым столкновением классов внутри наций.

Принцип национального самоопределения, который в западноевропейском рабочем движении распространялся исключительно на национальные меньшинства так называемых культурных стран, да и то половинчато, Ленин распро-

¹⁴ В феврале 1921 года части 11-й Красной Армии вступили в Грузию, где в это время происходило – во многом по инициативе Сталина и Орджоникидзе – восстание против меньшевистского правительства Жордания. Вопреки всему написанному позднее историками официозами, тифлисское правительство опиралось на значительную часть населения страны. Ввод в Грузию красноармейских частей произошел при протесте тамошней общественности, но с согласия советского руководства, в том числе и Ленина (но при протесте Троцкого). Тем не менее, Троцкий написал целую книгу в защиту оккупации Грузии, под заглавием «Коммунизм и терроризм», острие которой было направлено против Карла Каутского, вставшего на защиту правительства Жордания.

страняет со всей решительностью на колониальные народы, выступая в защиту их права на полное отделение от метрополий. Западноевропейский пролетариат должен, по учению Ленина, отказаться от декларативных выражений сочувствия угнетенным нациям и перейти к совместной с ними борьбе против империализма.

На VIII съезде Советов (1921) Ленин докладывает о произведенной по его инициативе работе по составлению плана электрификации страны. Постепенный подъем на высшую ступень техники есть залог успешного перехода от мелкого крестьянского товарного хозяйства, с его разобщенностью, к крупному социалистическому производству, охваченному единым планом. «Социализм есть Советская власть плюс электрификация».¹⁵

Переутомление, вызванное непомерной напряженностью работы в течение многих лет, подорвало здоровье Ленина. Склероз поражает кровеносные сосуды головного мозга. В начале 1922 года врачи запрещают ему повседневную работу. В июне – августе болезнь Ленина развивается¹⁶; наступает утеря речи. В начале октября здоровье улучшается настолько, что Ленин вновь возвращается к работе, но уже ненадол-

¹⁵ Цитируется неточно. У Ленина: «Коммунизм – это есть Советская власть плюс электрификация всей страны» (См.: Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 42. С. 159). – Прим. ред. – сост.

¹⁶ Исключительно сильный приступ болезни, оказавшейся смертельной, произошел с Лениным в мае 1922 года.

го. Последнее свое публичное выступление¹⁷ Ленин заканчивает выражением уверенности в том, что в результате упорной коллективной работы «из России нэповской будет Россия социалистическая...».

16 декабря наступает паралич правой руки и ноги. Однако в январе-феврале Ленин диктует еще ряд статей, имеющих большую важность для политики партии: о борьбе с бюрократизмом в советском и партийном аппарате, о значении кооперации для постепенного вовлечения крестьян в социалистическое хозяйство и, наконец, о политике в отношении национальностей, которые угнетались царизмом.

Болезнь прогрессировала. Снова наступила потеря речи. Работа для партии прекратилась, а вскоре прекратилась и жизнь. Ленин скончался 21 января 1924 года в 6 часов 30 минут¹⁸ вечера в Горках, близ Москвы. Похороны его явились беспрецедентной манифестацией любви и скорби миллионов. Единство цели Ленин пронес через всю свою жизнь, начиная со школьной скамьи. Он не знал колебаний в борьбе с теми, кого считал врагами рабочего класса. В его страстной борьбе никогда не было ничего личного. Он себя признавал орудием неотвратимого исторического процесса. Материалистическую диалектику как метод научной ориентировки в общественном развитии Ленин сочетал с величайшей

¹⁷ Имеется в виду выступление Ленина на объединенном пленуме Моссовета и районных Советов 20 ноября 1922 года.

¹⁸ В энциклопедических словарях в 6 часов 50 минут.

интуицией вождя.

Внешность Ленина отличалась простотой и крепостью при среднем росте или слегка ниже среднего, при плебейских чертах славянского лица, которое освещалось насквозь видящими глазами и которому могучий лоб, переходивший в купол еще более могучего черепа, придавал из ряда вон выходящую значительность. Неутомимость Ленина в работе была беспримерна. Его мысль была одинаково напряжена в сибирской ссылке, в Британском музее или на заседании Совета Народных Комиссаров. С предельной добросовестностью он читал лекции в маленьком рабочем кружке в Цюрихе и строил первое в мире социалистическое государство. Науку, искусство, культуру он ценил и любил во всем их объеме, но никогда не забывал, что они составляют достоинство небольшого меньшинства. В простоте его литературного и ораторского стиля выражалась величайшая сосредоточенность духовных сил, устремленных к единой цели. В личном общении Ленин был ровен, приветлив, внимателен, особенно к угнетенным, к слабым, к детям. Его образ жизни в Кремле мало отличался от его образа жизни в эмиграции. Простота обихода, воздержанность в отношении пищи, питья, одежды и всех вообще «благ» жизни вытекали у него не из каких-либо моралистических принципов, а из того факта, что умственная работа и напряженная борьба не только поглощали его интересы и страсти, но и давали ему то высшее удовлетворение, которое не оставляет места для суррогатов

наслаждения. Его мысль работала над делом освобождения
трудящегося до того мига, как окончательно потухла.

19 марта 1926 г.

Приложение

Из дневника Алексинской

Ленин и Н. Н.¹⁹ играют в шахматы. Есть хорошие шахматисты, которые настолько любят и ценят красивый процесс игры, что сами исправляют ошибки противника. Ленин не из этого числа: его интересует не столько игра, как выигрыш. Он пользуется каждой невнимательностью партнера, чтобы обеспечить себе победу. Когда он может взять у противника фигуру, он делает это со всей поспешностью, чтобы партнер не успел одуматься. В игре Ленина нет элегантности.

Из дневника Татьяны Алексинской.

«Ленины». «Родная Земля», No 1, 1 апреля 1926 г, (*Архив Троцкого, Т-3777*).

¹⁹ Н. Н. – Видимо, Григорий Алексинский или Александр Богданов. С ними Ленин, вплоть до политического разрыва, часто играл в шахматы. Запись эта органично примыкает к дневниковым заметкам Троцкого начала – середины 30-х годов, когда он принялся усиленно работать над биографией Ленина.

Два тори о революционере (Черчилль и Биркенхед о Ленине)

В 1918—1919 годах Черчилль пытался сбросить Ленина вооруженной силой. В 1929 году Черчилль пытается дать психологическую и политическую характеристику Ленина (Times, 18. 2. 29). Возможно, что это есть попытка литературного реванша за неудачную военную интервенцию. Несомнительность методов с целью во втором случае не менее очевидно, чем в первом. «Его (Ленина) симпатии холодны и необъятны, как Ледовитый океан. Его ненависть туга, как петля палача», и прочее, и прочее в том же трескучем стиле. Черчилль швыряется антитезами, как атлет гириями. Но внимательному глазу видно, что гири из жести, а бицепсы подбиты ватой. В живом образе Ленина нравственная сила нашла выражение законченной простоты. Попытка подойти к Ленину во всеоружии ярмарочной атлетики заранее осуждена.

Столь же плачевна у Черчилля фактическая сторона. Достаточно сослаться на хронологию. Черчилль повторяет где-то вычитанную им фразу о большом влиянии на развитие Ленина казни его старшего брата. По Черчиллю, это произошло в 1894 году. На самом деле покушение на Александра III было организовано Александром Ульяновым 1 марта 1887 го-

да. По Черчиллю, Ленину было в 1894 году 16 лет. На самом деле Ленину было тогда 24 года, и он руководил подпольной организацией в Петербурге. К моменту Октябрьской революции Ленину было не 39 лет, как выходит по Черчиллю, а 47. Хронологические ляпсусы Черчилля показывают, как смутно он представляет себе эпоху и людей, о которых говорит.

Если от хронологии и боксерского стиля перейдем к философии истории, то картина получится еще более плачевная.

Черчилль рассказывает, что дисциплина в русской армии была после Февральской революции разрушена «приказом No 1», отменявшим отдание чести²⁰. Так смотрели на дело обиженные старые генералы и амбициозные молодые поручики. Но это вздор. Старая армия отражала господство старых классов. Старую армию убила революция. Если крестьянин прогонял помещика из поместья, то сын крестьянина не мог подчиняться сыну помещика в качестве офицера. Армия не только техническая организация, связанная маршировкой и отдаванием чести, а моральная организация, основанная на определенных взаимоотношениях людей и клас-

²⁰ Приказ номер 1 Петроградского Совета по Петроградскому гарнизону был принят 1 (14) марта 1917 года на заседании рабочей и солдатской секций Петроградского Совета. Кроме формальных распоряжений, вроде отмены отдания чести, приказ узаконил существование солдатских комитетов в армии, однако не ввел, вопреки желанию почти трети присутствующих, систему выборности командного состава.

сов. Когда старые отношения взрываются революцией, армия неизбежно гибнет. Так было всегда. Мне не ясно, читал ли когда-либо Черчилль историю Английской революции XVII столетия или французской революции XVIII века. Набирая своих офицеров, Кромвель говорил: «Неопытный воин, но зато хороший проповедник». Кромвель понимал, что основы армии создаются и разрушаются не символикой этикета, а общественными взаимоотношениями людей. Ему нужны были офицеры, которые ненавидели монархию, католическую церковь и привилегии аристократии. Он понимал, что только ради новых великих целей может вырасти новая армия. Это было в середине XVII века. Черчилль в XX веке думает, что царскую армию погубила отмена некоторых символических телодвижений. Без Кромвеля и его армии не было бы современной Англии. Кромвель и сегодня несравненно более современен, чем Черчилль.

Целью Ленина, говорит Черчилль, было «подорвать всякие авторитеты и дисциплину». Круглоголовые то же самое говорили об индипендентах. На самом деле, индипенденты разрушали устаревшую дисциплину, чтоб установить на ее место другую, приведшую Англию к расцвету. Ленин беспощадно подкапывал, разрушал и взрывал старую, темную, слепую, рабскую дисциплину средневековья, чтоб расчистить арену для сознательной дисциплины нового общества. Если Черчилль все же признает за Лениным силу мысли и воли, то по Биркенхеду Ленина не было вообще. Суще-

ствует лишь миф о Ленине (Times, 26.2.29). Реальный Ленин был посредственностью, на которую могут сверху вниз глядеть коллеги лорда Рейнго со страниц Беннета. Несмотря на это разногласие, оба тори совершенно похожи друг на друга в том отношении, что не имеют ни малейшего понятия ни об экономических, ни о политических, ни о философских работах Ленина, составляющих более чем два десятка томов. Подозреваю, что Черчилль не дал себе даже труда внимательно прочесть статью о Ленине, написанную мною в 1926 году для Британской энциклопедии. Иначе он не мог бы оказаться повинным в грубейших хронологических ошибках, нарушающих всю перспективу.

Чего Ленин не выносил, так это идейной неряшливости. Ленин жил во всех странах Европы, овладевал чужими языками, читал, изучал, выслушивал, вникал, сравнивал, обобщал. Став во главе революционной страны, он не упускал случая добросовестно и внимательно учиться. Он не уставал следить за жизнью всего мира. Он свободно читал и говорил по-немецки, французски, английски, читал по-итальянски и на ряде славянских языков. В последние годы жизни, заваленный работой, он в свободные минуты потихоньку штудировал чешскую грамматику, чтобы получить непосредственный доступ ко внутренней жизни Чехословакии. Что знают Черчилль и Биркенхед о работе этой пронизательной, сверлящей, неутомимой мысли, которая отмечает все внешнее, случайное, поверхностное во имя основного и главного? В

своим счастливым неведением Биркенхед воображает, что Ленин впервые выдвинул лозунг «власть Советам» после Февральской революции 1917 года. Между тем вопрос о Советах и их возможной исторической роли представлял центральную тему работ Ленина и его сподвижников начиная с 1905 года и даже ранее.

Дополняя и поправляя Черчилля, Биркенхед заявляет, что если бы у Керенского было хоть на унцию государственного смысла и мужества, Советы никогда не достигли бы власти. Поистине утешительная философия истории! Армия разрушается вследствие того, что солдатам разрешено не поднимать пятерню при встрече с поручиком. Нехватки одной унции под черепом радикального адвоката достаточно для гибели благочестивого и цивилизованного общества. Чего же стоила эта цивилизация, если в критическую минуту она не нашла в своем распоряжении лишней унции мозгов?

А ведь Керенский стоял не одиноко. Его окружали кольцом государственные люди Антанты. Почему ж они не научили, не вдохновили Керенского или не заменили его? На это косвенно отвечает Черчилль. По его словам, «государственные люди союзных наций заявляли, что все идет к лучшему и что русская революция явилась крупной выгодой для общего дела». Этим Черчилль свидетельствует, что государственные люди ничего не понимали в русской революции и, значит, мало отличались от Керенского.

Биркенхед не видит ныне особой дальнозоркости Лени-

на и в подписании Брест-Литовского мира²¹. Неизбежность мира для Биркенхеда ныне очевидна. Только сумасшедшие истерики (*hysterical fools*) могли, по его словам, вообразить, что большевики способны бороться с Германией, Поразительное, хотя и запоздалое признание! Ведь британское правительство 1918 года, как и все правительства Антанты, категорически требовали от нас войны с Германией, и на наш отказ от этой войны ответили блокадой и интервенцией. Приходится спросить на энергичном языке консервативного политика: где же, собственно, находились тогда сумасшедшие истерики? Не они ли решали судьбы Европы? Оценка Биркенхеда была бы очень проницательной в 1917-м. Но, признаться, мы не высоко ценим ту проницательность, которая обнаруживается через 12 лет после того, как она была необходима.

Черчилль приводит против Ленина – и в этом гвоздь его статьи – статистику жертв гражданской войны. Статистика эта фантастична. Но дело не в этом. Жертв было много с двух сторон. Черчилль особо отмечает, что он не включил жертв голода и эпидемий. На своем псевдоатлетическом языке Черчилль пишет, что ни Тамерлан, ни Чингисхан не могли бы выдержать матча с Лениным в отношении истребления человеческих жизней. Судя по расположению имен,

²¹ Не буду останавливаться на том, что Биркенхед приписывает мне желание войны с Германией в 1918 году. Почтенный консерватор слишком прилежно следует здесь указаниям историков школы Сталина.

Черчилль полагает, очевидно, что Тамерлан предшествовал Чингисхану. Это ошибочно. Увы, цифры хронологии и статистики не составляют сильной стороны этого министра финансов. Однако не это нас интересует. Чтоб найти пример массового истребления человеческих жизней, Черчилль обращается к XIII и XIV столетиям азиатской истории. Великая европейская бойня, в которой уничтожено десять миллионов человек и искалечено двадцать миллионов, совершенно выпала, по-видимому, из памяти британского политика. Войны Чингисхана и Тимура были детской игрой по сравнению с упражнениями цивилизованных наций в течение 1914—1918 годов. А блокада Германии, голод немецких матерей и детей? Если даже допустить нелепую мысль, что вся ответственность за войну лежит на германском кайзере, — хорошо, к слову сказать, цивилизация, если один коронованный психопат способен на четыре года обречь континент огню и мечу, — если даже принять эту смехотворную теорию единичной ответственности кайзера, то и тогда остается совершенно непонятным, почему немецкие дети должны были вымирать сотнями тысяч за грехи Вильгельма? Но я не становлюсь здесь на моральную точку зрения и меньше всего склонен перегибать весы в сторону гогенцоллернской Германии. Я готов повторить то же рассуждение в отношении сербских, бельгийских или французских детей, как и в отношении тех желто- и чернокожих, которых Европа в течение четырех лет обучала преимуществам христианской цивилиза-

ции над варварством Чингиса и Тимура. Обо всем этом Черчилль забывает. Цели, которые Англия преследовала в войне (и которых она совершенно не достигла), кажутся Черчиллю настолько непреложными и священными, что он не удостоивает внимания тридцать миллионов истребленных и искалеченных человеческих жизней. Он с высшим нравственным негодованием говорит о жертвах гражданской войны в России, забывая об Ирландии, об Индии и о многом другом. Значит, дело не в жертвах, а в задачах и целях, которые преследовала война. Черчилль хочет сказать, что всякие жертвы во всех частях света допустимы и священны, раз дело идет о могуществе и силе Британской империи, то есть ее правящих классов. Преступны лишь те, неизмеримо меньшие жертвы, которые вызываются борьбою народных масс, когда они пытаются изменить условия своего существования, как было в Англии в XVII столетии, во Франции в конце XVIII, в Соединенных Штатах в конце XVIII и середине XIX веков, в России в XX столетии и как будет еще не раз в будущем. Напрасно Черчилль вызывал при этом призрак двух азиатских завоевателей. Оба они боролись за интересы кочевой аристократии, подчиняя ей новые области и племена. В этом смысле их дела связаны непрерывной преемственностью с принципами Черчилля, а не Ленина. Кстати сказать, последний из великих гуманистов – имя его Анатолий Франс – не раз высказывал ту мысль, что из всех видов кровавого безумия, которое называется войной, наименее безумной является все

же гражданская война, ибо в ней люди, по крайней мере сознательно, а не по приказу, делятся на враждебные лагеря.

Черчилль делает попутно еще одну ошибку, самую главную и для него лично наиболее убийственную. Он забывает, что в гражданской войне, как и во всякой иной, имеются два лагеря и что, если бы он, Черчилль, не примкнул к лагерю ничтожного меньшинства, количество жертв было бы неизмеримо меньше. Власть мы завоевали в октябре почти без борьбы. Попытка Керенского вернуть себе власть испарилась, как капля воды на горячей плите... Натиск масс был так могуществен, что старые классы едва осмеливались сопротивляться. С какого времени начинается гражданская война и спутник ее – красный террор? Черчилль плох в хронологии, но мы ему поможем. Поворотным моментом является середина 1918 года. Руководимые дипломатами и офицерами Антанты чехословаки захватывают железную дорогу на Востоке. Французский посол Нуланс организует восстание в Ярославле²². Английский уполномоченный Локкарт организует террористические акты²³ и попытку разрушения

²² 6 июля 1918 года в Ярославле началось восстание против советской власти, в котором участвовали различные политические силы от меньшевиков до монархистов. Одновременно произошли вооруженные выступления в Рыбинске и Муроме, но они быстро были подавлены. Ярославские повстанцы, возглавляемые полковником А. П. Перхуровым, держались до 21 июля. Во время следствия выяснились связи восставших с французским послом Нулансом через Бориса Савинкова.

²³ Глава английской миссии при советском правительстве Р. Локкарт возглавил разветвленный заговор в Петрограде, Москве и некоторых других городах цен-

петроградского водопровода. Черчилль вдохновляет и финансирует Савинкова. Черчилль стоит за спиной Юденича. Черчилль предсказывает точно по календарю день падения Петрограда и Москвы. Черчилль поддерживает Деникина и Врангеля. Мониторы британского флота обстреливают наши побережья. Черчилль трубит наступление «14 наций». Черчилль становится вдохновителем, организатором, финансистом, пророком гражданской войны. Щедрым финансистом, посредственным организатором, никуда не годным пророком. Лучше бы Черчиллю не приподнимать этих страниц прошлого. Ибо число жертв было бы не в десятки, а в сотни и тысячи раз меньше, если бы не британские гиней, британские мониторы, британские танки, британские офицеры и британские консервы.

Черчилль не понял ни Ленина, ни его исторической задачи. Глубже всего это непонимание – если только непонимание может быть глубоким – обнаруживается в оценке поворота к новой экономической политике. Для Черчилля это отказ Ленина от самого себя. Биркенхед дополняет: за 10 лет принцип Октябрьской революции совершенно обанкротился. Биркенхед, который за 10 лет не уничтожил и даже не смягчил безработицы углекопов, требует от нас в десять лет построения нового общества, без ошибок, без поражений и

тральной России летом 1918 года. Деятельность конспиративной сети, направляемой Локкартом, вошла в историческую литературу как заговор «трех послов». Он подробно описан, – впрочем, в тональности, отличающейся от работ советских историков, – в мемуарах Локкарта «Буря над Россией».

без отступлений. Чудовищное требование, которое измеряет только глубину теоретической первобытности почтенного консерватора. Сколько будет на историческом пути отступлений, ошибок, рецидивов, это предсказать нельзя. Но уметь сквозь отступления, рецидивы и зигзаги видеть основную линию исторического развития – в этом и состояла гениальная сила Ленина. Даже если бы в России победила на время реставрация – до чего, смею думать, очень далеко, – это также мало отменило бы неизбежность смены общественных форм, как мало рвота отменяет законы пищеварения.

Когда Стюарты вернулись к власти, у них было гораздо больше прав думать, что принцип Кромвеля обанкротился. Между тем, несмотря на победоносную реставрацию, несмотря на всю дальнейшую цепь приливов и отливов, борьбу виггов и тори, фритредеров и протекционистов, бесспорно одно: вся новая Англия взошла на дрожжах Кромвеля. Эта историческая закваска стала истощаться только в последней четверти прошлого столетия. Этим объясняется неудержимый упадок мировой роли Англии. Чтобы возродить падающую Англию, нужны новые дрожжи. Не Черчиллю понять это. Ибо, в противоположность Ленину, который мыслил континентами и эпохами, Черчилль мыслит парламентскими эффектами и газетными фельетонами. А этого убийственно мало. Будущее, и не столь отдаленное, докажет это,

23 марта 1929 г.

Разногласия с Лениным

В чем было разногласие с Лениным?

В противовес отдельно выдернутым и ложно истолкованным цитатам мы дали выше более или менее связную, хотя далеко не полную картину действительного развития взглядов на характер и тенденции нашей революции. На этом важнейшем вопросе налипало, как всегда бывает во фракционной, особенно эмигрантской борьбе, много случайного, второстепенного и ненужного, что, однако, сподвигало и заслоняло важное и основное. Все это неизбежно в борьбе. Но теперь, когда борьба давно отошла в прошлое, можно и должно отбросить шелуху, чтобы выделить ядро вопроса.

Никакого принципиального разногласия в оценке основных сил революции не было. Это слишком ясно показали 1905-й и особенно 1917 годы. Но разница в политическом подходе была. Сведенная к самому основному, эта разница может быть сформулирована следующим образом. Я доказывал, что победа революции означает диктатуру пролетариата. Ленин возражал: диктатура пролетариата есть одна из возможностей на одном из следующих этапов революции; мы же еще должны пройти через демократический этап, в котором пролетариат может быть у власти только в коалиции с мелкой буржуазией. Я на это отвечал, что наши очередные задачи имеют буржуазно-демократический характер,

что, бесспорно, на пути их разрешения могут быть разные этапы с той или другой переходной властью, не отрицаю, но эти переходные формы могут иметь только эпизодический характер; даже и для разрешения демократических задач необходима будет диктатура пролетариата; отнюдь не покусаясь перепрыгивать через демократическую стадию и вообще через естественные этапы классовой борьбы, мы должны сразу брать основную установку на завоевание власти пролетарским авангардом. Ленин отвечал: от этого мы ни в каком случае не зарекаемся; посмотрим, в каком виде сложится обстановка, каково будет в частности международное положение и прочее. Сейчас же нам надо выдвинуть три кита и на этих трех китах обосновать революционную коалицию пролетариата с крестьянством.

Нужны либо крайняя ограниченность, либо крайняя недобросовестность, чтобы теперь – после того, как Октябрьская революция уже совершилась, изображать эти две точки зрения как непримирение. Октябрь 1917 года их очень хорошо примирил. Выдвигание Лениным, всемерное подчеркивание и полемическое заострение демократической стадии революции и программы трех китов было политически и тактически, безусловно, правильно и необходимо. И когда я говорил о неполноте и пробелах в так называемой теории перманентной революции, я имел в виду именно тот факт, что я лишь принимал демократическую стадию как нечто само собою разумеющееся – принимал не толь-

ко на словах, но и на деле, что достаточно доказано опытом 1905 года. Но теоретически далеко не всегда сохранял в своей перспективе ясную, отчетливую, всесторонне разработанную перспективу возможных последовательных этапов революции и мог отдельными заявлениями, статьями – в то время, когда эти статьи писались, – вызывать такое представление, будто я «игнорирую» объективные демократические задачи и стихийно-демократические силы революции, тогда как на самом деле я считал их само собою разумеющимися и исходил из них как из данных, что доказывается полностью другими моими работами, писавшимися под другим углом зрения и для других целей.

Известная односторонность тех или других статей, написанных по этому вопросу, на протяжении дюжины годов (1905—1917) была тем самым «перегибанием палки», пользуясь выражением Ленина, которое совершенно неизбежно в больших вопросах идейной борьбы. Этим и объясняются те или другие полемические отклики Ленина, вызванные той или другой формулировкой в отдельной моей статье, но ни в каком случае не отвечающие ни моей общей оценке революции, ни характеру моего участия в ней.

Один из моих критиков однажды весьма популярно внушал мне мысль, что не нужно все полемические отзывы Ленина брать за чистую монету, а нужно вносить в них некую немаловажную политико-педагогическую поправку. У критика моего выходило, что Ленин делает из мухи слона.

В этих словах есть доля истины, которую знает всякий, кто знает Ленина по его писаниям. Но выражена здесь мысль с исключительной психологической грубостью: «Ленин делал из мухи слона». Тот же автор в другом месте выражается так: «Эту мысль Ленин защищал „с пеной у рта“». И пена у рта, и превращение мухи в слона ни в каком случае не вяжутся с образом Ленина. Но зато оба эти выражения как нельзя лучше вяжутся с образом автора, их породившего. Давно сказано: стиль – это человек...

Верно, во всяком случае, то, что, поскольку я не входил во фракцию, а позже в партию большевиков, Ленин отнюдь не склонен был искать случаев для выражения согласия с теми или другими выраженными мною взглядами. И если ему это приходилось делать по важнейшим вопросам, как показано выше, значит, солидарность была налицо и требовала признания. Наоборот, в тех случаях, когда Ленин полемизировал против меня, он вовсе не искал «справедливой оценки» моих взглядов, а преследовал ударные задачи минуты – чаще даже не по отношению ко мне, а по отношению к той или другой группе большевиков, которой нужно было в этом самом вопросе дать острастку.

Но как бы ни обстояло дело насчет старой полемики Ленина против меня по вопросам о характере революции, как бы ни обстояло дело с вопросом о том, правильно ли я понимал Ленина в этом вопросе раньше и даже правильно ли я его понимаю теперь, допустим даже на минуту, что разумению

моему не доступно то, что вполне является умопостигаемым для Мартынова²⁴, Слепкова²⁵, Рафеса, Степанова-Скворцова²⁶, Куусинена и всех прочих Лядовых²⁷, без различия пола

²⁴ Мартынов (Пиккер) Александр Самойлович (1865—1935) – старейший деятель российского революционного движения. На II съезде партии антиискровец. Один из идеологов экономизма, затем меньшевизма. В 1907—1912 годах член ЦК РСДРП. После гражданской войны инициатор публичного роспуска меньшевистских групп в Советской России. Занимал ведущие посты в аппарате Коминтерна, редактировал журнал «Коммунистический Интернационал». В конце 20-х годов Мартынов, будучи одним из теоретиков Коминтерна, активно полемизирует с Троцким. Примечательно, что во время этой полемики оба они взаимно обвиняли друг друга в меньшевистском прошлом. Мартынов умер, не дожив до кульминационного пункта «мясорубки тридцатых». Однако Сталин, видимо, к этому времени относился уже к нему с подозрением и по странной прихоти долгое время не позволял захоронить урну с прахом Мартынова.

²⁵ Слепков – вероятнее всего, Слепков Александр. Самый известный среди братьев Слепковых. Участник бухаринской школы, историк, публицист. В разное время редактировал «Комсомольскую правду», «Ленинградскую правду», журнал «Прожектор», работал в редакции «Правды», в аппарате Коминтерна. Был известен как сторонник генеральной линии Сталина в середине 20-х годов, яростно (и чаще всего несправедливо, предвзято) критиковал Троцкого, Зиновьева, Каменева и их сторонников. В эти годы часто фигурирует в работах Троцкого (в частности, оппозиционеры распространяли слух о кадетском прошлом Александра Сленкова). Впоследствии Слепков стал активным противником Сталина в рядах «правых», а затем (в 1932 году) одной из ключевых фигур группы Рютина – Каюрова – Слепкова. Несколько раз арестовывался и ссылся. Расстрелян. Посмертно реабилитирован.

²⁶ Степанов-Скворцов – в литературе обычно фигурирует как Скворцов-Степанов Иван Иванович (1870—1928). Советский государственный, партийный деятель, историк, экономист, журналист. Переводчик «Капитала» Маркса на русский язык. Один из руководителей Московской большевистской организации в годы царизма. С 1925 года редактор «Известий». С 1927 года заместитель редактора «Правды». В 1926—1928 годах редактор «Ленинградской правды». В

и возраста, – остается все же налицо один совсем маленький, но весьма забористый вопросец: как же это так случилось, что те, которые в основном вопросе о характере русской революции не расходились с Лениным, разделяя его точку зрения полностью, и прочее, и прочее, заняли, – одни, поскольку были предоставлены самим себе, а другие – и после возвращения Ленина в Россию, – столь позорно оппортунистическую позицию в том самом вопросе, вокруг которого идейная жизнь партии вращалась в течение предшествовавших 12 лет.

На этот вопрос надо ответить, что я не перепрыгивал через аграрно-демократическую стадию революции, это доказано незабываемыми историческими фактами и всем предшествовавшим изложением. Но почему же мои ожесточенно беспощадные критики на самом важном месте... недопрыгнули? Неужели только потому, что никому не дано прыгать выше собственных ушей? Такое объяснение в отдель-

последние месяцы своей жизни симпатизирует нарождающейся группе Бухарина – Рыкова – Томского, но активно не выступает на их стороне по состоянию здоровья,

²⁷ Лядов (Мандельштам) Мартын Николаевич (1872—1947) – деятель российского революционного движения, историк, публицист. Один из организаторов московского «Рабочего союза». Участник революции 1905—1907 годов. С 1909 года отзовист, меньшевик. В 1917 году заместитель председателя бакинского Совета. В 1920-м снова примыкает к большевикам. В 1923—1929 годы ректор Коммунистического университета им. Свердлова. Подобно почти всем большевикам первого призыва оставался в натянутых отношениях с Троцким. Поддерживал линию Сталина-Бухарина в борьбе с оппозицией. Лядов являлся в глазах Троцкого эталоном политической непоследовательности.

ном случае вполне законно, но мы не имеем в данном случае дела с целым слоем партии, воспитавшимся на определенной установке начиная с 1905 года. Нельзя ли в смягчение политической вины... привести то объяснение, что Ленин, считая само собою разумеющейся возможностью перерастания буржуазной революции в социалистическую, в полемике слишком отодвигал этот исторический вариант, недостаточно останавливался на нем, недостаточно разъяснял... не только теоретическую возможность, но и глубокую политическую вероятность того, что пролетариат в России окажется у власти раньше, чем в передовых капиталистических странах.

Если бы plombированный вагон не проехал в марте 1917 года через Германию, если бы Ленин с группой товарищей и, главное, со своим деянием и авторитетом не прибыл в начале апреля в Петроград, то Октябрьской революции – не вообще, как у нас любят калякать, а той революции, которая произошла 25 октября старого стиля – не было бы на свете. Как неопровержимо свидетельствует мартовское совещание (протоколы которого не опубликованы по сей день)²⁸, авторитетная, руководящая группа большевиков, вернее ска-

²⁸ В Берлине в 1932 году в издательстве «Гранит» Троцкий опубликует протоколы Мартовского совещания в своей книге «Сталинская школа фальсификации». Основой этой публикации служила довольно точная копия корректуры из сборника протоколов заседания Петербургского комитета большевиков, изъятую из набора ретивыми партийными цензорами, но доставленного Троцкому оппозиционно настроенными типографскими рабочими.

зять, целый слой партии, вместо неистово-наступательной политики Ленина навязала бы партии политику постольку, поскольку... политику разделения труда с Временным правительством, политику неотпугивания буржуазии, политику полупризнания империалистской войны, прикрытой пацифистскими манифестами народов всего мира.

И если Ленин, выдвинувший свои тезисы 4 апреля, натолкнулся ни больше ни меньше, как на обвинение в троцкизме, то что произошло бы, спрашиваю я, если бы на великую пагубу русской революции Ленин оказался бы отрезанным от России или погиб бы в пути и курс на вооруженное восстание и диктатуру пролетариата был бы провозглашен кем-либо другим? Что тогда произошло бы?

После всего, что мы пережили за последние годы, это совсем не трудно себе представить. Инициаторы пересмотра установки лозунга, то есть проповедники курса на захват власти, стали бы предметом бешеной травли как ультралевые, как троцкисты, как нарушители традиции большевизма и – чего доброго – как контрреволюционеры. Все Лядовы ныряли бы в этой полемике и травле, как рыба в воде. Конечно, пролетариат снизу могущественно бы напирал и прорывал бы демократический фронт, но, лишенный объединенного, дальнозоркого и смелого руководства, он месяцем раньше или позже натолкнулся бы на победоносный корниловский, чанкайшистский переворот. После этого была бы написана семимильная резолюция о том, что все свершилось в стро-

гом соответствии с законами Маркса, ибо буржуазии свойственно предавать пролетариат, а бонапартистским генералам свойственно в интересах буржуазии производить государственные перевороты. Кроме того, «мы это заранее предвидели».

Попытка указать самодовольным филистерам, что предвидение их не стоит выеденного яйца, ибо задача состояла не в том, чтобы предвидеть победу буржуазии, а в том, чтобы обеспечить победу пролетариата, эта попытка вызвала бы дополнительную резолюцию о том, что все произошло на основании соотношения сил, что пролетариат отсталой России, да еще в обстановке империалистической бойни, не мог перепрыгивать через исторические стадии развития и что выдвигать такую программу могут только сторонники перманентной революции, против которой Ленин боролся до последних дней своей жизни.

Вот как пишется нынче история. И делается она так же плохо, как и пишется.

Между этими двумя постановками есть различие, но нет ничего похожего на противоречие. Различие подхода вело иногда к полемике, всегда лишь случайной, эпизодической. Ленинская позиция означала выдвигание на первый план политически действенных моментов. Моя позиция означала выдвигание, подчеркивание революционно исторических перспектив в целом. Тут было различие подхода, но не было противоречия. Лучше всего это обнаруживалось каждый

раз, когда эти две линии пересекались в действии. Так было в 1905 и 1917 годах.

Лето 1927 г.

Иосиф Сталин

Опыт характеристики

В 1913 году в Вене, в старой габсбургской столице, я сидел в квартире Скобелева за самоваром. Сын богатого бакинского мельника, Скобелев был в то время студентом и моим политическим учеником; через несколько лет он стал моим противником и министром Временного правительства. Мы пили душистый русский чай и рассуждали, конечно, о низвержении царизма. Дверь внезапно раскрылась без предупредительного стука, и на пороге появилась незнакомая мне фигура, невысокого роста, худая, с смугло-серым отливом лица, на котором ясно видны были выбоины оспы. Пришедший держал в руке пустой стакан. Он не ожидал, очевидно, встретить меня, и во взгляде его не было ничего похожего на дружелюбие. Незнакомец издал гортанный звук, который можно было при желании принять за приветствие, подошел к самовару, молча налил себе стакан чаю и молча вышел. Я вопросительно взглянул на Скобелева.

– Это кавказец Джугашвили, земляк; он сейчас вошел в ЦК большевиков и начинает у них, видимо, играть роль.

Впечатление от фигуры было смутное, но незаурядное. Или это позднейшие события отбросили свою тень на

первую встречу? Нет, иначе я просто позабыл бы о нем. Неожиданное появление и исчезновение, априорная враждебность взгляда, нечленораздельное приветствие и, главное, какая-то угрюмая сосредоточенность произвели явно тревожное впечатление...

Через несколько месяцев я прочел в большевистском журнале статью о национальном вопросе за незнакомой мне подписью: И. Сталин²⁹. Статья останавливала на себе внимание главным образом тем, что на сером, в общем, фоне текста неожиданно вспыхивали оригинальные мысли и яркие формулы. Значительно позже я узнал, что статья была внушена Лениным и что по ученической рукописи прошла рука мастера. Я не связывал автора статьи с тем загадочным грузинцем, который так неучтиво наливал себе в Вене стакан чаю и которому предстояло через четыре года возглавить Комиссариат национальной политики в первом советском правительстве.

В революционный Петроград я приехал из канадского концентрационного лагеря 5 мая 1917 года. Вожди всех партий революции уже успели сосредоточиться в столице. Я немедленно встретился с Лениным, Каменевым, Зиновьевым, Луначарским, которых давно знал по эмиграции, и познакомился с молодым Свердловым, которому предстояло стать первым председателем Советской Республики. Сталина я не встречал. Никто не называл его. Он совершенно не

²⁹ На самом деле статья подписана К. Сталин.

выступал на публичных собраниях в те дни, когда вся жизнь состояла из собраний. В «Правде», которой руководил Ленин, появлялись статьи за подписью Сталина. Я пробегал их через строку рассеянным взглядом и не справлялся об их авторе, очевидно решив про себя, что это одна из тех серых полезностей, которые имеются во всякой редакции.

На партийных совещаниях я, несомненно, встречался с ним, но не отличал его от других большевиков второго и третьего ряда. Он выступал редко и держался в тени. С июля до конца октября Ленин и Зиновьев скрывались в Финляндии. Я работал об руку со Свердловым, который, когда дело касалось важного политического вопроса, говорил:

– Надо писать Ильичу, – а когда возникала практическая задача, замечал иногда:

– Надо посоветоваться со Сталиным.

И в устах других большевиков верхнего слоя имя Сталина произносилось с известным подчеркиванием, – не как имя вождя, нет, а как имя серьезного революционера, с которым надо считаться.

После переворота первое заседание большевистского правительства происходило в Смольном, в кабинете Ленина, где некрашенная деревянная перегородка отделяла помещение телефонистки и машинистки. Мы со Сталиным явились первыми. Из-за перегородки раздавался сочный бас Дыбенко; он разговаривал по телефону с Финляндией, и разговор имел скорее нежный характер. 29-летний чернобородый

матрос³⁰, веселый и самоуверенный гигант, сблизился незадолго перед тем с Александрой Коллонтай, женщиной аристократического происхождения, владеющей полудюжиной иностранных языков и приближавшейся к 46-й годовщине. В некоторых кругах партии на эту тему, несомненно, сплетничали. Сталин, с которым я до того времени ни разу не вел личных разговоров, подошел ко мне с какой-то неожиданной развязностью и, показывая плечом за перегородку, сказал, хихикая:

– Это он с Коллонтай, с Коллонтай...

Его жест и его смешок показались мне неуместными и невыносимо вульгарными, особенно в этот час и в этом месте. Не помню, просто ли я промолчал, отведя глаза, или сказал сухо:

– Это их дело.

Но Сталин почувствовал, что дал промах. Его лицо сразу изменилось, и в желтоватых глазах появились те же искры враждебности, которые я уловил в Вене. С этого времени он никогда больше не пытался вступать со мной в разговоры на личные темы.

Когда Сталин стал членом правительства, не только народные массы, но даже широкие круги партии совершенно не знали его. Он был членом штаба большевистской партии, и в этом было его право на частицу власти. Даже в «коллегии» собственного комиссариата Сталин не пользовался ав-

³⁰ Павлу Дыбенко было в 1917 году 28 лет.

торитетом и по всем важнейшим вопросам оставался в меньшинстве. Возможности приказывать тогда еще не было, а способностью переубедить молодых противников Сталин не обладал. Когда его терпение истощалось, он попросту исчезал из заседания. Один из его сотрудников и панегиристов член коллегии Пестковский дал неподражаемый рассказ о поведении своего комиссара. Сказав: «Я на минутку», – Сталин исчезал из комнаты заседания и скрывался в самых потаенных закоулках Смольного, а затем Кремля.

«Найти его было почти невозможно. Сначала мы его ждали, а потом расходились».

Оставался обычно один терпеливый Пестковский. Из помещения Ленина раздавался звонок, вызывавший Сталина.

– Я отвечал, что Сталин исчез, – рассказывает Пестковский. Но Ленин требовал срочно найти его.

«Задача была нелегкая. Я отправлялся в длинную прогулку по бесконечным коридорам Смольного и Кремля. Находил я его в самых неожиданных местах. Пару раз я застал его на квартире матроса Воронцова, на кухне, где Сталин, лежа на диване, курил трубку...».

Эта запись с натуры дает нам первый ключ к характеру Сталина, главной чертой которого является противоречие между крайней властностью натуры и недостатком интеллектуальных ресурсов. Куря трубку в кухне на диване, он размышлял, несомненно, о крайнем вреде оппозиции, о невыносимости прений и о том, как хорошо было бы со всем этим

раз и навсегда покончить. Вряд ли он тогда надеялся, что ему удастся достигнуть этой цели.

* * *

Иосиф, или Сосо, четвертый ребенок в семье сапожника Виссариона Джугашвили, родился в маленьком городе Гори Тифлисской губернии 21 декабря 1879 года. Прежде чем закончится этот год, нынешнему диктатору России исполнится, следовательно, 60 лет. Мать, которой во время рождения четвертого ребенка было всего 20 лет, занималась стиркой белья, шитьем и выпечкой хлеба у более зажиточных соседей. Отец, человек сурового и необузданного нрава, большую часть скудного заработка пропивал. Школьный товарищ Иосифа рассказывает, как Виссарион своим грубым отношением к жене и сыну и жестокими побоями «...изгонял из сердца Сосо любовь к богу и людям и сеял отвращение к собственному отцу».

Рабское положение грузинской женщины в семье наложило на Иосифа отпечаток на всю жизнь. Он признал позже программу, которая требовала полного равноправия женщин, но в личных отношениях навсегда остался сыном своего отца и смотрел на женщину как на низшее существо, предназначенное для необходимых, но ограниченных функций.

Отец хотел сделать из сына сапожника. Мать была более честолюбива и мечтала для своего Сосо о карьере священни-

ка, как мать Гитлера лелеяла надежду увидеть своего Адольфа пастором. 11 лет Иосиф поступил в духовное училище. Здесь впервые познакомился с русским языком, который навсегда остался для него школьным, усвоенным из-под палки, чужим языком. Большинство учеников были дети священников, чиновников, мелких грузинских дворян. Сын сапожника чувствовал себя маленьким парием среди этой захолустной аристократии. Он рано научился сжимать зубы с затаенной ненавистью в сердце.

Кандидат в священники уже в школе покончил с религией.

– Знаешь, нас обманывают, – сказал он одному из товарищей. – Бога не существует.

Юноши и девушки предреволюционной России вообще порывали с религией в раннем возрасте, нередко в детстве: это носилось в воздухе. Но формула «нас обманывают» несет на себе личную печать будущего Сталина. Из низшей духовной школы молодой атеист перевелся, однако, в духовную семинарию в Тифлис. Здесь он провел пять томительных лет. По внутреннему режиму семинария стояла между монастырем и тюрьмой. Недостаток пищи возмещался обилием церковных служб. Педагогика сводилась главным образом к наказаниям. Зато многие воспитанники научались под благочестивыми минами прятать от дежурных монахов свои мятежные мысли. Из тифлисской семинарии вышло немало кавказских революционеров. Немудрено, если в этой ат-

мосфере Сосо примкнул к группе будущих заговорщиков. Его первые политические мысли были ярко окрашены национальным романтизмом. Сосо усвоил себе конспиративную кличку Коба, по имени героя грузинского патриотического романа. Близкие к нему товарищи называли его этим именем до самых последних лет; сейчас они почти все расстреляны.

В семинарии молодой Джугашвили еще острее, чем в духовном училище, ощущал свою бедность.

– Денег у него не было, – рассказывает один из воспитанников. – Мы же все получали от родителей посылки и деньги на мелкие расходы.

Тем необузданнее были мечты Иосифа о будущем. Он им покажет! Уже в те годы товарищи отмечали у Иосифа склонность находить у других только дурные стороны и с недоверием относиться к бескорыстным побуждениям. Он умел играть на чужих слабостях и сталкивать своих противников лбами. Кто пытался сопротивляться ему или хотя бы объяснить ему то, чего он не понимал, тот накликал на себя «беспощадную вражду». Коба хотел командовать другими.

Теперь он стал читать русских классиков, Дарвина, Маркса. Потеряв вкус к богословским наукам, Иосиф стал все ниже опускаться по лестнице познания и оказался вынужден покинуть семинарию до окончания курса, в июле 1899 года. Он пробыл в духовной школе всего 9 лет и вышел из нее 20-летним юношей, т. е., на кавказский масштаб, взрослым человеком. Он считал себя революционером и марксистом.

Мечты матери увидеть Сосо в рясе православного священника рассыпались прахом.

Коба пишет прокламации на грузинском и плохом русском языках, работает в нелегальной типографии, объясняет в рабочих кружках тайну прибавочной стоимости, участвует в местных комитетах партии. Его революционный путь отмечен тайными переездами из одного кавказского города в другой, тюремными заключениями, ссылкой, побегам, новым коротким периодом нелегальной работы и новым арестом. Полиция характеризует его в своих рапортах как «... уволенного из духовной семинарии, проживающего без письменного вида, без определенных занятий, а также и квартиры».

Его друг молодости изображает его мрачным, обросшим волосами и неряшливым.

«Его средства, – объясняет он, – не давали ему возможности хорошо одеваться; но правда и то, что у него не было потребности поддерживать свою одежду в чистоте и порядке».

Судьба Кобы есть типичная судьба среднего провинциального революционера эпохи царизма. Что, однако, резко отличает его от товарищей по работе – это то, что на всех этапах его пути его сопровождают слухи об интригах, о нарушении дисциплины, о самоуправстве, о клевете на товарищей, даже о доносах полиции на соперников. Многие в этих слухах, несомненно, ложно. Но ни о ком другом из революционеров не рассказывали ничего подобного!

После раскола между большевиками и меньшевиками в

1903 году осторожный и медлительный Коба выжидает полтора года в стороне, но в конце концов примыкает к большевикам³¹. Ему долго, однако, предстоит оставаться в тени. Блестящий инженер, впоследствии не менее блестящий советский дипломат Красин, игравший видную революционную роль на Кавказе в первые годы нынешнего столетия, называет в своих воспоминаниях ряд кавказских большевиков, но совершенно не упоминает о Сталине. За границей существует революционный центр во главе с Лениным. Все выдающиеся молодые революционеры находятся в связи с этим центром, совершают поездки за границу, ведут переписку с Лениным. Во всей этой переписке имя Кобы не названо ни разу³². Он чувствует себя провинциалом, продвигается вперед медленно, ступает тяжело и завистливо озирается по сторонам.

Революция 1905 года прошла мимо Сталина, не заметив его. Он провел этот год в Тифлисе, где меньшевики господствовали безраздельно. В день 17 октября, когда царь опубликовал конституционный манифест, Кобу видели жестику-

³¹ Даже в наши дни, когда открываются все новые и новые архивные фонды, так и не выяснилось, примыкал ли Сталин к меньшевикам до того, как стать активным большевиком.

³² Лев Троцкий намекает на случай, известный лишь современникам, но забытый в наше время. В 1934 году Институт Маркса – Энгельса – Ленина издал сборник документов «Партия в революции 1905 года». Так как в книге этой имя Сталина не фигурировало среди корреспондентов Ленина, то ее сразу же по приказу сверху пустили под нож. Всего сохранилось, в библиотеках и частных собраниях, лишь несколько экземпляров.

лирующим на фонаре. В этот день все взбирались на фонари. Но Коба не был оратором и терялся перед лицом массы. Он чувствовал себя твердо только на конспиративной квартире.

Реакция принесла резкий упадок массового движения и временный подъем террористических актов. На Кавказе, где живы были еще традиции романтического разбоя и кровавой мести, террористическая борьба нашла смелых исполнителей. Убивали губернаторов, полицейских, предателей; с бомбами и револьверами в руках захватывали казенные деньги для революционных целей. Имя Кобы тесно связано с этой полосой; но точно до сих пор ничего не установлено. Политические противники явно преувеличивали эту сторону деятельности Сталина; рассказывали, как он лично сбросил с крыши первую бомбу на площади в Тифлисе с целью захвата государственных денег. Однако в воспоминаниях прямых участников тифлисского набега имя Сталина ни разу не названо. Сам он ни разу не обмолвился на этот счет ни словом. Это не значит, однако, что он стоял в стороне от террористической деятельности. Но он действовал из-за кулис: подбирал людей, давал им санкцию партийного комитета, а сам своевременно отходил в сторону. Это более соответствовало его характеру.

Только в 1912 году Коба, доказавший в годы реакции свою твердость и верность партии, переводится с провинциальной арены на национальную. Конференция партии не соглашает-

ся, правда, ввести Кобу в ЦК³³. Но Ленину удается добиться его кооптации самим Центральным Комитетом. С этого времени кавказец усваивает русский псевдоним Сталин, производя его от стали. В тот период это означало не столько личную характеристику, сколько характеристику направления. Уже в 1903 году будущие большевики назывались «твердыми», а меньшевики «мягкими». Плеханов, вождь меньшевиков, иронически называл большевиков «твердокаменными». Ленин подхватил это определение как похвалу. Один из молодых тогда большевиков остановился на псевдониме Каменев, – по той же причине, по какой Джугашвили стал называться Сталиным. Разница, однако, та, что в характере Каменева не было ничего каменного, тогда как твердый псевдоним Сталина гораздо больше подходил к его характеру.

В марте 1913 года Сталин арестован в Петербурге и сослан в Сибирь за полярный круг в маленькую деревню Курейку. Вернуться ему пришлось только в марте 1917 года, после низвержения монархии. Предоставленный в течение четырех лет самому себе, Сталин не написал ни одной строки, которая была бы впоследствии напечатана. А между тем это были годы мировой войны и великого кризиса в мировом социализме. Свердлов, которому пришлось некоторое время жить со Сталиным в одной комнате, пишет своей сестре:

³³ Сталин, судя по сохранившимся документам, даже не был назван среди имен возможных чекистов. Он был кооптирован в ЦК несколько позже. Поэтому-то протоколы Пражской конференции долгие годы лежали в Москве в партийном архиве под спудом.

«Нас двое, со мною грузин Джугашвили... парень хороший, но слишком большой индивидуалист в обыденной жизни».

Из Курейки переводились в другие места и другие ссылки. Желчный, снедаемый честолюбием и враждебностью к людям Сталин был для всех тяжелым соседом.

«Сталин замкнулся в самом себе, – вспоминал впоследствии один из ссыльных, – занимался охотой и рыбной ловлей; он жил почти в совершенном одиночестве».

Охота была без ружья: Сталин предпочитал ставить капканы. В 1916 году, когда стали мобилизовывать старшие возрасты, Иосиф Джугашвили был призван в ссылку к отбыванию воинской повинности, но в армию не попал из-за негибающей левой руки.

В тюрьмах и ссылке Сталин провел в общем около 8 лет, но – поразительное дело: ему так и не удалось за этот срок овладеть ни одним иностранным языком. В бакинской тюрьме он пробовал, правда, изучить немецкий язык, но бросил это безнадежное дело и перешел на эсперанто³⁴, утешая се-

³⁴ Лишь один источник, рассказ знакомого Сталина по туруханской ссылке, свидетельствует, что Сталин был не прочь выучить английский язык. «Когда проезжали мимо дома Сталина, Алеша (Улановский. – М. К.) попросил разрешения (у стражников. – М. К.) зайти, чтобы взять, что нужно для дальней дороги, как было принято у ссыльных. Сталина он не застал, а его сожительница пекла пироги и раскладывала их на листах из книги Канта. Алеша взял висевшую на гвозде шубу и стал искать какую-нибудь книгу. Кроме брошюр по национальному вопросу он увидел только популярный самоучитель английского языка и прихватил

бя тем, что это язык будущего. В области познания, особенно лингвистики, малоподвижный ум Сталина искал всегда линии наименьшего сопротивления. В конце февраля 1917 года (по старому стилю) побеждает революция. Сталин возвращается в Петроград. В прошлом декабре ему исполнилось 37 лет.

* * *

Вместе с Каменевым Сталин отстраняет от руководства партией группу молодых товарищей, в том числе Молотова, нынешнего председателя Совнаркома, как слишком левых, и берет курс на поддержку Временного правительства. Но через три недели прибывает из-за границы Ленин, отстраняет Сталина и дает партии курс на завоевание власти. В течение месяцев революции трудно проследить деятельность Сталина. Более крупные и даровитые люди занимают авансцену и оттесняют его отовсюду. Ни теоретического воображения, ни исторической дальнзоркости, ни дара предвосхищения у него нет. В сложной обстановке он предпочитает молча выжидать. Новая идея должна была создать свою бюрократию, прежде чем Сталин мог проникнуться к ней доверием.

Революция, у которой свои законы и ритмы, попросту отрицает Сталина – осторожного кунктатора. Так было в 1905

году. Так повторилось в 1917 году. И в дальнейшем каждая новая революция – в Германии, в Китае, в Испании – неизменно застигала его врасплох и порождала в нем чувство глухого недовольства революционной массой, которую нельзя командовать при помощи аппарата.

Поверхностные психологи изображают Сталина как уравновешенное существо, в своем роде целостное дитя природы. На самом деле он весь состоит из противоречий. Главное из них: несоответствие честолюбивой воли и ресурсов ума и таланта. Что характеризовало Ленина – это гармония духовных сил: теоретическая мысль, практическая проницательность, сила воли, выдержка, – все было связано в нем в одно активное целое. Он без усилий мобилизовал в один момент разные стороны своего духа. Сила воли Сталина не уступает, пожалуй, силе воли Ленина. Но его умственные способности будут измеряться какими-нибудь десятью – двадцатью процентами, если принять Ленина за единицу измерения. В свою очередь, в области интеллекта у Сталина новая диспропорция: чрезвычайное развитие практической проницательности и хитрости за счет способности обобщения и творческого воображения. Ненависть к сильным мира сего всегда была его главным двигателем как революционера, а не симпатия к угнетенным, которая так согревала и облагораживала человеческий облик Ленина. Между тем Ленин тоже умел ненавидеть.

В период Октябрьской революции Сталин более чем ко-

гда-либо воспринимал свою карьеру как ряд неудач. Всегда являлся кто-нибудь, кто его публично поправлял, затмевал, отодвигал. Его честолюбие не давало ему покоя как внутренний нарыв и отравляло его отношение к выдающимся людям, начиная с Ленина, мнительностью и завистливостью. В Политбюро он почти всегда оставался молчаливым и угрюмым. Только в кругу людей первобытных, решительных и не связанных предрассудками, он становился ровнее и приветливее. В тюрьме он легче сходилась с уголовными арестантами, чем с политическими.

Грубость представляет органическое свойство Сталина. Но с течением времени он сделал из этого свойства сознательное орудие. На людей незамысловатых грубость нередко производит впечатление искренности. «Этот человек не мудрствует лукаво, – он выливает наружу все, что думает». Именно этого Сталину и нужно. В то же время Сталин крайне чувствителен, обидчив, капризен, когда дело касается его. Почувствовав себя отгиснутым в сторону, он поворачивается спиной к людям, забивается в угол, сосет трубку, угрюмо молчит и мечтает о мести.

В борьбе Сталин никогда не опровергает критики, а немедленно поворачивает ее против противника, придав ей самый грубый и беспощадный характер. Чем чудовищнее обвинения, тем лучше. «Политика Сталина, – говорит критик, – нарушает интересы народа». Сталин отвечает: «Мой противник – наемный агент фашизма». Люди ошарашены,

но не допускают возможности такой чудовищной лжи. Этот прием, на котором построены московские процессы, мог бы быть смело увековечен в учебниках психологии как «рефлекс Сталина».

* * *

Жили в Кремле в первые годы революции очень скромно. В 1919 году я случайно узнал, что в кооперативе Совнаркома имеется кавказское вино и предложил изъять его, так как торговля спиртными напитками была в то время запрещена.

– Доползет слух до фронта, что в Кремле пируют, – говорил я Ленину, – произведет плохое впечатление.

Третьим при беседе был Сталин.

– Как же мы, кавказцы, – сказал он с раздражением, – будем без вина?!

– Вот видите, – подхватил шутливо Ленин, – грузинам без вина никак нельзя!

Я капитулировал без боя.

В Кремле, как и во всей Москве, шла непрерывная борьба из-за квартир, которых не хватало. Сталин хотел переменить свою слишком шумную на более спокойную. Агент ЧК Беленький порекомендовал ему парадные комнаты Кремлевского дворца. Жена моя, которая в течение девяти лет заведовала музеями и историческими памятниками, воспротивилась, так как Дворец охранялся на правах музея. Ленин

написал ей большое увещательное письмо: можно-де из нескольких комнат Дворца унести более ценную мебель и принять особые меры к охране помещения; Сталину необходима квартира, в которой можно спокойно спать; в нынешней его квартире следует поселить молодых товарищей, которые способны спать и под пушечные выстрелы и пр. Но хранильница музеев не сдалась на эти доводы. Ленин назначил комиссию для обследования вопроса. Комиссия признала, что Дворец не годится для жилья. В конце концов Сталину уступил свою квартиру сговорчивый Серебряков, ют самый, которого Сталин расстрелял 17 лет спустя.

Я никогда не бывал на квартире у Сталина. Но французский писатель Анри Барбюс, написавший незадолго до своей смерти две биографии: Иисуса Христа и Иосифа Сталина, – дал тщательное описание маленького кремлевского дома, во втором этаже которого находится скромная квартира диктатора. Барбюса дополнил бывший секретарь Сталина Бажанов, бежавший за границу. У дверей квартиры постоянно суют часовой. В маленькой передней висят солдатская шинель и фуражка хозяина. В трех комнатах и столовой простая мебель. Старший сын Яша, от первого брака, долгое время спал в столовой на диване, который на ночь превращали в постель... Но уж несколько лет, как он стал инженером и отделился от отца.

Завтрак и обед раньше приносили из столовой Совнаркома; но в последние годы, из страха перед отравлением, ста-

ли готовить пищу дома. Если хозяин не в духе, а это бывает нередко, за столом все молчат.

«В своей семье, – рассказывает Бажанов, – он держит себя деспотом. Целыми днями он соблюдает у себя высокомерное молчание, не отвечая на вопросы жены или сына».

После завтрака глава семьи усаживается в кресло возле окна и курит трубку. Раздается звонок по внутреннему телефону Кремля.

– Коба, тебя зовет Молотов, – говорит Надежда Аллилуева.

– Скажи ему, что я сплю, – отвечает Сталин в присутствии секретаря, чтобы показать свое пренебрежение к Молотову.

Со времени гражданской войны Сталин всегда носит нечто вроде военной формы, чтобы напоминать о своей связи с армией: высокие сапоги, тужурку и брюки хаки.

«Его никогда не видели одетым иначе, за исключением лета, когда он – в белом полотне».

Дело идет о передней, о шинели и о сапогах, и мы можем признать свидетельство Барбюса достаточно авторитетным.

Ночные автомобили на кремлевском дворе не давали спать. В конце концов вынесено было постановление: после 11 часов ночи автомобилям останавливаться у арки, где начинаются жилые корпуса; дальше все должны двигаться пешком. Однако чей-то автомобиль продолжал нарушать порядок. Разбуженный не в первый раз в три часа ночи, я дождался у окна возвращения автомобиля и окликнул шофера.

– Разве вы не знаете постановления?

– Знаю, товарищ Троцкий, – ответил шофер, – но что же мне делать? Товарищ Сталин приказал у арки: «Поезжай!»

Кроме кремлевской квартиры у Сталина есть дача Горки³⁵, где некогда жил Ленин и откуда Сталин вытеснил его вдову. В одном из помещений – экран кинематографа. В другом – драгоценный инструмент, который призван удовлетворять музыкальные потребности хозяина: это пианола. Другая пианола у него на кремлевской квартире. Он, видимо, не может долго жить без искусства. Часы отдыха он проводит за музыкальным ящиком, наслаждаясь мелодиями из «Аиды». В музыке, как и в политике, он предпочитает послушный аппарат. Советские композиторы тем временем воспринимают как закон каждое указание диктатора, у которого две пианолы.

В 1903 году, когда Сталину шел 24-й год, он женился на молодой малокультурной грузинке³⁶. Брак, по рассказу друга его детства, был счастливым, потому что жена «выросла в священной традиции, обязывающей женщину служить». Молодая женщина проводила ночи в горячих молитвах, ко-

³⁵ Неверные сведения. Сначала в Горках жила семья Ленина, а после их выселения (в 30-е годы) там был устроен музей. На легенду смахивает также рассказ о пианоле.

³⁶ Малокультурность первой жены Сталина весьма относительна. До 14 лет у нее были приходящие на дом преподаватели. Брат Екатерины Сванидзе учился в Берлине. Уровень образованности этой состоятельной семьи был не ниже недоучившегося семинариста Сталина.

гда ее муж участвовал в тайных собраниях. Терпимость к религиозным верованиям жены вытекала из того, что Коба не искал в ней друга, способного разделить его взгляды. Молодая женщина умерла в 1907 году от туберкулеза или от воспаления легких, и ее похоронили по православному обряду. От нее остался мальчик, который лет до 10 находился на попечении родственников в Тифлисе, а затем был доставлен в Кремль. Мы часто его находили в комнате наших сыновей. Нашу квартиру он предпочитал отцовской. В своих бумагах я нахожу такую запись жены:

«Яша – мальчик лет 12, с очень нежным смуглым личиком, на котором привлекают [внимание] черные глаза с золотистым поблескиванием. Тоненький, скорее миньютюрный, похожий, как я слышала, на свою умершую от туберкулеза мать. В манерах, в обращении очень мягок. Сереже, с которым он был дружен, Яша рассказывал, что отец его тяжело наказывает, бьет, – за курение. „Но нет, побоями он меня от табаку не отучит“. „Знаешь, вчера Яша провел всю ночь в коридоре с часовым, – рассказывал мне Сережа. – Сталин его выгнал из квартиры за то, что от него пахло табаком“».

Я застал как-то Яшу в комнате мальчиков с папиросой в руке. Он улыбался в нерешительности.

– Продолжай, продолжай, – сказал я ему успокоительно.

– Папа мой сумасшедший, – сказал он убежденно. – Сам курит, а мне не позволяет.

Нельзя не передать здесь другой эпизод, рассказанный

мне Бухариным, видимо, в 1924 году, когда, сближаясь со Сталиным, он сохранял еще очень дружественные отношения со мной.

«Только что вернулся от Кобы, – говорил он мне. – Знаете, чем он занимается? Берет из кровати своего годовалого мальчика, набирает полон рот дыму из трубки и пускает ребенку в лицо...

– Да что вы за вздор говорите! – перервал я рассказчика.

– Ей-богу, правда! Ей-богу, чистая правда, – поспешно возразил Бухарин с отличавшей его ребячливостью. – Младенец захлебывается и плачет, а Коба смеется-заливается: „Ничего, мол, крепче будет...“

Бухарин передразнил грузинское произношение Сталина.

– Да ведь это же дикое варварство?!

– Вы Кобы не знаете: он уж такой, особенный...»

Мягкому Бухарину первобытность Сталина, видимо, слегка импонировала. Нельзя не согласиться, что отец был действительно «особенный»: он «закалял» младшего сына дымом и, наоборот, отучал старшего сына от дыму при помощи тех педагогических приемов, которые применял некогда к нему самому сапожник Виссарион... Эмиль Людвиг, опасавшийся встретить в Кремле надменного диктатора, на самом деле встретил человека, которому он, по собственным словам, готов был бы «доверить своих детей». Не слишком ли поспешно? Лучше бы почтенному писателю этого не делать...

Вторым браком Сталин был женат на Надежде Аллилуевой, дочери русского рабочего и матери-грузинки. Надежда родилась в 1902 году, после переворота работала в секретариате Ленина, была во время гражданской войны на Царицынском фронте, где находился и Сталин. Ей было 17 лет, Сталину – 40. Она была очень миловидна и скромна. Уже став матерью двух детей, она поступила студенткой в Промышленную академию. Когда против меня развернулась травля под руководством Сталина, Аллилуева при встрече с моей женой проявляла двойное внимание. Она чувствовала себя, видимо, ближе к тем, которых травили.

9 ноября 1932 года Аллилуева внезапно скончалась. Ей было всего 30 лет. Насчет причин ее неожиданной смерти советские газеты молчали. В Москве шушукались, что она застрелилась, и рассказывали о причине. На вечере у Ворошилова в присутствии всех вельмож она позволила себе критическое замечание по поводу крестьянской политики, приведшей к голоду в деревне. Сталин громогласно ответил ей самой грубой бранью, которая существует на русском языке. Кремлевская прислуга обратила внимание на возбужденное состояние Аллилуевой, когда она возвращалась к себе в квартиру. Через некоторое время из ее комнаты раздался выстрел³⁷. Сталин получил много выражений сочувствия и перешел к порядку дня.

³⁷ Некоторые современники утверждали, что сам Сталин в состоянии аффекта застрелил Надежду Аллилуеву.

В драме популярного русского писателя Афиногенова³⁸, написанной в 1931 году, говорилось, что если обследовать сто граждан, то окажется, что 80 действуют под влиянием страха. За годы кровавых чисток страх охватил и большую часть остальных 20%. Главной пружиной политики самого Сталина является ныне страх перед порожденным им страхом. Сталин лично не трус, но его политика отражает страх касты привилегированных выскочек за свой завтрашний день. Сталин всегда не доверял массам; теперь он боится их. Столь поразивший всех союз Сталина с Гитлером неотвратимо вырос из страха бюрократии перед войной. Этот союз мог быть предвиден: дипломатам следовало бы только вовремя переменить очки. Этот союз был предвиден, в

³⁸ Называлась эта драма, поставленная в Художественном театре в 1930 году, весьма характерно для эпохи – «Страх». Сталин основательно поработал над ее рукописью, вписав целые тирады, направленные против уклонистов и потенциальных «врагов народа». Но цепкий глаз царственного цензора пропустил слова из монолога главного героя – профессора Бородина. По словам очевидцев, во время этого монолога зал, как правило, замирал от волнения: «Мы живем в эпоху великого страха. Страх заставляет талантливых интеллигентов отрекаться от матерей, подделывать социальное происхождение... Страх ходит за человеком. Человек становится недоверчивым, замкнутым, недобросовестным, неряшливым и беспринципным... Страх порождает прогулы, опоздание поездов, прорывы производства, общую бедность и голод. Никто ничего не делает без окрика, без занесения на черную доску, без угрозы посадить или выслать...»

частности, автором этих строк. Но господа дипломаты, как и простые смертные, предпочитают обычно правдоподобные предсказания верным предсказаниям. Между тем в нашу сумасшедшую эпоху верные предсказания чаще всего неправдоподобны. Союз с Францией, с Англией, даже с Соединенными Штатами мог бы принести СССР пользу только в случае войны. Но Кремль больше всего хотел избежать войны. Сталин знает, что если бы СССР в союзе с демократиями вышел бы из войны победоносным, то по дороге к победе он наверняка ослабил бы и сбросил нынешнюю олигархию. Задача Кремля не в том, чтобы найти союзников для победы, а в том, чтобы избежать войны. Достигнуть этого можно только дружбой с Берлином и Токио. Такова исходная позиция Сталина со времени победы наци.

Нельзя также закрывать глаза и на то, что не Чемберлен, а Гитлер импонирует Сталину. В фюрере хозяин Кремля находит не только то, что есть в нем самом, но и то, чего ему не хватает. Гитлер, худо или хорошо, был инициатором большого движения. Его идеям, как ни жалки они, удалось объединить миллионы. Так выросла партия, которая вооружила своего вождя еще не виданным в мире могуществом. Ныне Гитлер-сочетание инициативы, вероломства и эпилепсии – собирается не меньше и не больше, как перестроить нашу планету по образу и подобию своему.

Фигура Сталина и путь его – иные. Не Сталин создал ап-

парат. Аппарат создал Сталина³⁹. Но аппарат есть мертвая машина, которая, как пианола, не способна к творчеству. Бюрократия насквозь проникнута духом посредственности. Сталин есть самая выдающаяся посредственность бюрократии. Сила его в том, что инстинкт самосохранения правящей касты он выражает тверже, решительнее и беспощаднее всех других. Но в этом его слабость. Он проницателен на небольших расстояниях. Исторически он близорук. Выдающийся тактик, он не стратег. Это доказано его поведением в 1905 году, во время прошлой войны 1917 года. Сознание своей посредственности Сталин неизменно несет в самом себе. Отсюда его потребность в лести. Отсюда его зависть по отношению к Гитлеру и тайное преклоненье перед ним.

По рассказу бывшего начальника советского шпионажа в Европе Кривицкого, огромное впечатление на Сталина произвела чистка, произведенная Гитлером в июне 1934 года в рядах собственной партии.

«Вот это вождь!» – сказал медлительный московский диктатор себе самому. С того времени он явно подражает Гитлеру. Кровавые чистки в СССР, фарс «самой демократической в мире конституции», наконец, нынешнее вторжение в Польшу, – все это внушено Сталину немецким гением с усами Чарли Чаплина.

Адвокаты Кремля – иногда, впрочем, и его противники –

³⁹ Это перефразировка слов самого Троцкого из его дневников 30-х годов: «Ленин создал аппарат. Аппарат создал Сталина».

пытаются установить аналогию между союзом Сталина-Гитлера и Брест-Литовским миром 1918 года. Аналогия похожа на издевательство. Переговоры в Брест-Литовске велись открыто перед лицом всего человечества. У Советского государства в те дни не было ни одного боеспособного батальона. Германия наступала на Россию, захватывала советские области и военные запасы. Московскому правительству не оставалось ничего другого как подписать мир, который мы сами открыто называли капитуляцией безоружной революции перед могущественным хищником. О нашей помощи Гогенцоллерну не было при этом и речи. Что касается нынешнего пакта, то он заключен при наличии советской армии в несколько миллионов; непосредственная задача его – облегчить Гитлеру разгром Польши; наконец, интервенция Красной Армии под видом «освобождения» 8 миллионов украинцев и белорусов ведет к национальному закабалению 23 миллионов поляков. Сравнение обнаруживает не сходство, а прямую противоположность.

Оккупацией Западной Украины и Западной Белоруссии Кремль пытается прежде всего дать населению патриотическое удовлетворение за ненавистный союз с Гитлером. Но у Сталина для вторжения в Польшу был и свой личный мотив, как всегда почти – мотив мести. В 1920 году Тухачевский, будущий маршал, вел красные войска на Варшаву. Будущий маршал Егоров наступал на Лемберг. С Егоровым шел Сталин. Когда стало ясно, что Тухачевскому на Висле угро-

жает контрудар, московское командование отдало Егорову приказ повернуть с Лембергского направления на Люблин, чтоб поддержать Тухачевского. Но Сталин боялся, что Тухачевский, взяв Варшаву, «перехватит» у него Лемберг. Прикрываясь авторитетом Сталина, Егоров не выполнил приказ ставки. Только через четыре дня, когда критическое положение Тухачевского обнаружилось полностью, армии Егорова повернули на Люблин. Но было уже поздно: катастрофа разразилась. На верхах партии и армии все знали, что виновником разгрома Тухачевского был Сталин. Нынешнее вторжение в Польшу и захват Лемберга есть для Сталина реванш за грандиозную неудачу 1920 года.

Однако перевес стратега Гитлера над тактиком Сталиным очевиден. Польской кампанией Гитлер привязывает Сталина к своей колеснице, лишает его свободы маневрирования; он компрометирует его и попутно убивает Коминтерн. Никто не скажет, что Гитлер стал коммунистом. Все говорят, что Сталин стал агентом фашизма. Но и ценою унижительного и предательского союза Сталин не купит главного: мира. Ни одной из цивилизованных наций не удастся спрятаться от мирового циклона, как бы строги ни были законы о нейтралитете. Меньше всего это удастся Советскому Союзу. На каждом новом этапе Гитлер будет предъявлять Москве все более высокие требования. Сегодня он отдает московскому другу на временное хранение «Великую Украину». Завтра он поставит вопрос о том, кому быть хозяином этой Украины. И

Сталин и Гитлер нарушили ряд договоров. Долго ли продержится договор между ними? Святость союзных обязательств покажется ничтожным предрассудком, когда народы будут корчиться в тучах удушливых газов. «Спасайся, кто может!» – станет лозунгом правительств, наций, классов. Московская олигархия, во всяком случае, не переживет войны, которой она так основательно страшилась. Падение Сталина не спасет, однако, и Гитлера, который с непогрешимостью сомнамбула влечется к пропасти.

Перестроить планету Гитлеру даже при помощи Сталина не удастся. Ее будут перестраивать другие.

22 сентября 1939 года

Койоакан

Приложение

Двадцатилетие революции 1905 года Из истории революции

Музеем революции в Грузии предоставлен в распоряжение редакции чрезвычайно любопытный документ – копия с письма тов. Сталина.

Письмо датировано 24 января 1911 года и отправлено тов. Сталиным из Сольвычегодске (Вологодской губернии) в Москву. На конверте адрес – «Москва, учительнице Бобровской, для Вл. С. Бобровского, Калужская застава, Медведниковская больница».

Ниже мы приводим полностью текст письма. Письмо публикуется впервые.

«Пишет Вам кавказец СОСО, – помните, в 4-м году в Тифлисе и Баку. Прежде всего, мой горячий привет Ольге, Вам, Германову⁴⁰. Обо всех вас рассказывал мне

⁴⁰ Германов – псевдоним Фрумкина Моисея Илларионовича (1878—1939), знакомого Сталина по бакинскому подполью. Участник революции 1905—1907 годов, борьбы за советскую власть в Сибири. После Октябрьской революции – член краевого экономического совета Западной Сибири. В 20-е годы заместитель председателя Сибревкома, затем заместитель наркома продовольствия. И наконец, заместитель наркома финансов. 15 июня 1928 года Фрумкин обращается с великолепно аргументированным письмом в Политбюро,

И. М. Голубев, с которым я и коротаю мои дни в ссылке. Германов знает меня как к...б...а⁴¹ (он поймет). Мог ли и думать, что вы в Москве, а не за границей... Помните ли Гургена (старика Михо). Он теперь в Женеве и... „отзывает“ думскую фракцию – социал-демократов. Размахнулся старик, черт возьми. Я недавно вернулся в ссылку („обратник“). Кончаю в июле этого года. Ильич и К0 зазывают в один из двух центров, не дожидаясь окончания срока. Мне же хотелось бы отбыть срок (легальному больше размаха)...но если нужда острая (жду от них ответа), то, конечно, снимусь... А у нас здесь душно без дела, буквально задыхаюсь.

О заграничной „буре в стакане“, конечно, слышали: блоки Ленина – Плеханова, с одной стороны, и Троцкого – Мартова – Богданова, с другой. Отношение рабочих к первому блоку, насколько я знаю, благоприятное. Но вообще на границу рабочие начинают смотреть пренебрежительно; „пусть, мол, лезут на стену, сколько их душе угодно; а нашему, кому дороги интересы движения, тот работай, остальное же приложится“. Это, по-моему, к лучшему.

Мой адрес: Сольвычегодск, Вологодской губ., политическому ссыльному Иосифу ДЖУГАШВИЛИ».

Дошло ли или не дошло это письмо до адресата – неиз-

в котором критикует чрезвычайные сталинские методы, по сути дела приведшие к ограблению деревни. Погиб в годы репрессий. Реабилитирован.

⁴¹ Коба – так звали Сталина-Джугашвили.

вестно. Но копия его очутилась в тифлисском охранном отделении и была препровождена, с пространными комментариями, к начальнику Тифлисского губернского жандармского управления.

И вот, ротмистр Карпов, расшифровывая имена, указанные в письме Сталина-Джугашвили, пишет:

«Совершенно секретно.

Начальнику Тифлисского губернского жандармского управления.

Доношу Вашему Высокоблагородию, что автор письма „Сольвычегодск“ 24 января 1911 года „Иосиф“, „Москва, учительнице Бобровской для Вл. С. Бобровского, Калужская застава, Медведниковская больница“, по выяснении, оказался крестьянином тифлисской губернии и уезда Дидилиловского сельского общества Иосифом Виссарионовым ДЖУГАШВИЛИ, о котором в делах отделения имеются следующие сведения: – в 1902 году привлекался при Тифлисском губернном жандармском управлении к дознанию обвиняемым по делу „о тайном кружке РСДРП в гор. Тифлисе“, за что, на основании ВЫСОЧАЙШЕГО повеления, последовавшего в 9-й день июня 1903 года, был выслан административным порядком в Восточную Сибирь, под гласный надзор полиции, сроком на три года и водворен в Балаганском уезде Иркутской губернии.

5 января 1904 года Джугашвили из места водворения

скрылся и разыскивался циркуляром департамента полиции от 1 мая 1902 года за № 5500.

По негласным сведениям, относящимся к 1903 году, Джугашвили стоял во главе Батумского комитета социал-демократической партии и в организации был известен под кличкой „Чопур“. По тем же сведениям 1904 и 1906 годов проживал в гор. Тифлисе и занимался революционной деятельностью.

По вновь полученным мною агентурным сведениям, Джугашвили был известен в организации под кличкой „СОСО“ и „КОБА“, с 1902 года работал в социал-демократической партии-организации, сначала меньшевиком, а потом большевиком, как пропагандист и руководитель первого района (железнодорожного); в 1905 году был арестован и бежал из тюрьмы; в 1906 и 1907 годах нелегально жил в Батуме, где и был арестован и выслан под надзор полиции в Вологодскую губернию на 2 года, с 29 сентября 1908 года, но из места водворения г. Сольвычегодска скрылся и разыскивался циркуляром департамента полиции от 19 августа 1909 года за № 151385-53, но таким же циркуляром от 14 мая 1910 года за № 126025-96 розыск его прекращен.

Упомянутый в письме ГУРГЕН (старик МИХО), по указанию агентуры, есть сын священника, бывший учитель, Михаил Григорьев ЦХОКАЯ⁴². Последний,

⁴² Цхокая – правильное Цхакая Миха (1865—1950)-один из старейших деятелей революционного движения на Кавказе. В эмиграции, после революции 1905 года, поддерживает Богданова. Возвратившись вместе с Лениным из Швейцарии, уезжает на Кавказ. Стронник группы Мдивани, Махарадзе,

по имеющимся в отделении сведениям, издавна принадлежал к числу серьезных революционных деятелей, являясь центральной личностью среди националистов, и в местной социал-демократической организации был известен под кличкой „ГАМБЕТА“. Имел обширные связи в революционной среде. При ликвидации 6 января 1904 года Тифлисской социал-демократической организации был застигнут во время производства обыска, вместе с известным революционным деятелем Богданом КНУНЯНЦЕМ⁴³ в квартире Аршака Зурабова⁴⁴, вследствие чего 8 января подвергнут в порядке положения о государственной охране обыску. Ввиду продолжавшейся преступной деятельности и сношений с членами местной социал-демократической организации, при ликвидации последней 30 октября был подвергнут обыску, не давшему достаточных данных для привлечения обвиняемым. После раскола 17 января 1905 года

Цинцадзе в вопросе автономизации и, следовательно, противник Сталина. Тем не менее Сталин почему-то пощадил Мihu Цхакая и даже выдвигал его на различные «декоративные» посты. В 1923—1930 годах – один из председателей ЦИК ЗСФСР, председатель Президиума ЦИК Грузинской ССР, член Президиума ЦИК СССР.

⁴³ Кнунянц Богдан Мирзаджанович (1878—1911) – один из организаторов социал-демократического движения в Закавказье, большевик-примиренец, участник революции 1905—1907 годов. Умер в тюрьме.

⁴⁴ Зурабов Аршак (в некоторых документах Вагаршак) (1873—1920) — видный деятель армянского рабочего движения. Близкий друг Ленина в эмиграции. В годы первой мировой войны сотрудник копенгагенской библиотеки, возглавляемой Парвусом.

в Тифлисской социал-демократической организации примкнул к фракции „большевиков“ и 17 июля был на сходке „большевиков“ в квартире Бориса ЛЕГРАНА. Находился в близкой и непосредственной связи с арестованными 15 апреля 1906 года тайной типографией названной выше организации и лабораторией для приготовления взрывчатых снарядов, являясь заведующим этим делом, причем сношение с местом нахождения типографии и лаборатории вел через посредство своей сожительницы, дочери нахиче-ванского почетного гражданина, Нунии Никитишны АЛАДЖАНОВОЙ, проходившей по наружному наблюдению под кличкой „ЮЛА“, и через бюро организации, помещавшейся в редакции газеты „ЭЛВА“, что вполне было установлено и наружным наблюдением, которое констатировало сношение лиц, проживавших в помещении тайной типографии, с Н. АЛАДЖАНОВОЙ и посещение этими же лицами редакции газеты „ЭЛВА“, которую, в свою очередь, посещал и ЦХОКАЯ и АЛАДЖАНОВА, 15 апреля были арестованы, но, вследствие того, что в отношении их не были добыты данные, могущие служить основанием для привлечения к формальному дознанию, таковые, по распоряжению вр. тифлисского генерал-губернатора, из-под стражи были освобождены.

Наружному наблюдению Цхокая был известен под кличкой „Короткий“. По вновь полученным агентурным сведениям, Цхокая состоял членом

Тифлисского комитета РСДРП и являлся пропагандистом, причем работал среди типографских рабочих.

Что же касается Бобровской Ольги, Германова, И. М. Голубева и Ильича⁴⁵, то выяснить личности таковых не представилось возможным, и агентуре вверенного мне отделения последние неизвестны.

По делам вверенного мне отделения проходил Бобровский Владимир (отчество неизвестно), который по сообщению департамента полиции, от 16 сентября 1902 года за № 5766, 18 августа того же года бежал из Киевской тюрьмы, но 30 апреля 1903 года был задержан на станции Орел Московско-Курской железной дороги, причем по личному обыску у него было обнаружено 301 экз. прокламаций, издания партии социалистов-революционеров (сообщение департамента полиции от 4 июня 1903 года за № 35-5666).

ПРИЛОЖЕНИЕ: выписка из письма.

При сем присов., что копии настоящего донесения мною представлены начальникам Вологодской и Московской губернских жандармских управлений.

Ротмистр КАРПОВ».

«Заря Востока»,

23 декабря, No 1062, 1925 г.

⁴⁵ Ильич – Ленин. Странно, что ротмистр Карпов не смог об этом догадаться.

Сверх-Борджиа в Кремле

Вместо предисловия

Редактору «Life»

Милостивый государь!

В связи с моей первой статьей⁴⁶ для вашего журнала вы охарактеризовали меня как «старого врага» Сталина. Это неоспоримо. Политически мы давно состоим со Сталиным в противоположных и непримиримых лагерях. Но в известных кругах стало правилом говорить о моей «ненависти» к Сталину и считать а priori, что этим чувством внушается все, что я пишу не только о московском диктаторе, но и об СССР. В течение десяти лет моей последней эмиграции литературные агенты Кремля систематически освобождали себя от необходимости отвечать по существу на то, что я писал об СССР, ссылаясь, для собственного удобства, на мою «ненависть» к Сталину. Покойный Фрейд очень сурово относился к такого рода дешевому психоанализу. Ненависть есть все же форма личной связи. Между тем нас со Сталиным разъединили такие огненные события, которые успели выжечь и испепелить без остатка все личное. В ненависти есть элемент зависти.

⁴⁶ См. статью «К политической биографии Сталина», – *Прим. ред. – сост.*

Между тем беспримерное возвышение Сталина я рассматриваю и ощущаю как самое глубокое падение. Сталин мне враг. Но и Гитлер мне враг, и Муссолини, и многие другие. По отношению к Сталину у меня сейчас так же мало «ненависти», как и по отношению к Гитлеру, Франко или микадо. Я стараюсь прежде всего понять их, чтоб тем лучше бороться против них.

Личная ненависть в вопросах исторического масштаба вообще ничтожное и презренное чувство. Она не только унижает, но и ослепляет. Между тем в свете последних событий внутри СССР, как и на мировой арене, даже многие противники убедились, что я был не так уж слеп: как раз те из моих предсказаний, которые считались наименее правдоподобными, оказались верными.

Эти вступительные строки *pro domo sua*⁴⁷ тем более необходимы, что я собираюсь говорить на этот раз на особенно острую тему. В первой статье я пытался дать общую характеристику Сталина на основании близкого наблюдения над ним и тщательного изучения его биографии. Образ получился, я не оспариваю этого, мрачный, даже зловещий. Но пусть кто-нибудь попробует подставить другой, более человечный образ под те факты, которые потрясли воображение человечества за последние годы: массовые «чистки», небывалые обвинения, фантастические процессы, истребление старого революционного поколения, командного состава армии, ста-

⁴⁷ О себе (*лат.*).

рой советской дипломатии, лучших специалистов, наконец, последние маневры на международной арене! В этой второй статье я хочу рассказать некоторые не совсем обычные факты из истории превращения провинциального революционера в диктатора великой страны. Мысли этой статьи и высказанные в ней подозрения созрели во мне не сразу. Поскольку они появлялись у меня ранее, я гнал их как продукт чрезмерной мнительности. Но московские процессы, раскрывшие за спиной кремлевского диктатора адскую кухню интриг, подлогов, фальсификаций, отравлений и убийств из-за угла, отбросили зловещий свет и на предшествовавшие годы. Я стал более настойчиво спрашивать себя: какова была действительная роль Сталина в период болезни Ленина? Не принял ли ученик кое-каких мер для ускорения смерти учителя? Лучше, чем кто-либо, я понимаю чудовищность такого подозрения. Но что же делать, если оно вытекает из обстановки, из фактов и особенно из характера Сталина? Ленин с тревогой предупреждал в 1921 году:

«Этот повар будет готовить только острые блюда».

Оказалось-не только острые, но и отравленные, притом не в переносном, а в буквальном смысле. Два года тому назад я впервые записал факты, которые были в свое время (1923—1924 годы) известны не более как семи-восемью лицам, да и то лишь отчасти. Из этого числа в живых сейчас остались, кроме меня, только Сталин и Молотов. Но у этих двух, если допустить, что Молотов был в числе посвященных, в чем я

не уверен, не может быть побуждения исповедаться в том, о чем я собираюсь впервые рассказать в этой статье. Да будет позволено прибавить, что каждый упоминаемый мною факт, каждая ссылка и цитата могут быть подкреплены либо официальными советскими изданиями, либо документами, хранящимися в моем архиве. По поводу московских процессов мне пришлось давать письменные и устные объяснения перед комиссией д-ра Джон Дьюи, причем из сотен представленных мною документов ни один не был оспорен.

Ленин и Сталин. Последняя борьба и разрыв.

Богатая по количеству (умолчим о качестве) иконография, созданная за самые последние годы, изображает Ленина неизменно в обществе Сталина. Они сидят рядом, совещаются, дружественно смотрят друг на друга. Назойливость этого мотива, повторяющегося в красках, в камне, в фильме, продиктована желанием заставить забыть тот факт, что последний период жизни Ленина был заполнен острой борьбой между ним и Сталиным, закончившейся полным разрывом. В борьбе Ленина, как всегда, не было ничего личного. Он, несомненно, высоко ценил известные черты Сталина: твердость характера, упорство, даже беспощадность и хитрость, – качества, необходимые в борьбе, а, следовательно, и в штабе партии. Но Сталин чем дальше, тем больше пользовался теми возможностями, которые открывал ему его пост, для вербовки лично ему преданных людей и для мести противникам.

Став в 1919 году во главе Народного комиссариата инспекции⁴⁸, Сталин постепенно превратил и его в орудие фа-

⁴⁸ Сталин настоятельно просил Ленина в начале 1919 года во время своей инспекционной поездки в 3-ю армию создать подобного рода комиссариат. После того как Ленин пошел ему навстречу, Сталин в 1919—1920 годах занимал должность наркома государственного контроля, а в 1920—1922 годах – наркома РККИ.

воритизма и интриг. Из генерального секретариата партии он сделал неисчерпаемый источник милостей и благ. Во всяком его действии можно было открыть личный мотив. Ленин пришел постепенно к выводу, что известные черты сталинского характера, помноженные на аппарат, превратились в прямую угрозу для партии. Отсюда выросло у него решение оторвать Сталина от аппарата и превратить его тем самым в рядового члена ЦК. Письма Ленина того времени составляют ныне в СССР самую запретную из всех литератур. Но ряд их имеется в моем архиве, и некоторые из них я уже опубликовал.

Здоровье Ленина резко надломилось в конце 1921 года. В мае следующего года его поразил первый удар. В течение двух месяцев он был не способен ни двигаться, ни говорить, ни писать. С июля он медленно поправляется, в октябре возвращается из деревни в Кремль и возобновляет работу. Он был в буквальном смысле потрясен ростом бюрократизма, произвола и интриг в аппарате партии и государства. В течение декабря он открывает огонь против притеснений Сталина в области национальной политики, особенно в Грузии, где не хотят признать авторитета генерального секретаря; выступает против Сталина по вопросу о монополии внешней торговли и подготавливает обращение к предстоящему съезду партии, которое секретари Ленина, с его собственных слов, называют «бомбой против Сталина». 23 января он выдвигает, к величайшему испугу генерального секретаря, проект

создания контрольной комиссии из рабочих для ограничения власти бюрократии.

«Будем говорить прямо, – пишет Ленин 2 марта, – наркомат инспекции не пользуется сейчас ни тенью авторитета... Хуже поставленных учреждений, чем учреждения нашего наркомата инспекции, нет...» и т. д.

Во главе инспекции стоял Сталин, и он хорошо понимал, что означает этот язык.

В середине декабря (1922 г.) здоровье Ленина снова ухудшилось. Он вынужден был отказаться от участия в заседаниях и сносился с ЦК путем записок и телефонограмм. Сталин сразу попытался использовать это положение, скрывая от Ленина информацию, которая сосредотачивалась в секретариате партии. Меры блокады направлялись против лиц, наиболее близких Ленину. Крупская делала что могла, чтоб оградить больного от враждебных толчков со стороны секретариата. Но Ленин умел по отдельным, едва уловимым симптомам, восстанавливать картину в целом.

– Оберегайте его от волнений! – говорили врачи. Легче сказать, чем сделать. Прикованный к постели, изолированный от внешнего мира, Ленин сгорал от тревоги и возмущения. Главным источником волнений был Сталин. Поведение генерального секретаря становилось тем смелее, чем менее благоприятны были отзывы врачей о здоровье Ленина. Сталин ходил в те дни мрачный, с плотно зажатой в зубах трубкой, со зловещей желтизной глаз; он не отвечал на вопросы,

а отгрызался. Дело шло о его судьбе. Он решил не останавливаться ни перед какими препятствиями. Так надвинулся окончательный разрыв между ним и Лениным. Бывший советский дипломат Димитревский, весьма расположенный к Сталину, рассказывает об этом драматическом эпизоде так, как его изображали в окружении генерального секретаря.

«Бесконечно надоевшую ему своими приставаниями Крупскую, когда та вновь позвонила ему за какими-то справками в деревню, Сталин... самыми последними словами изругал. Крупская немедленно, вся в слезах, побежала жаловаться Ленину. Нервы Ленина, и без того накаленные интригой, не выдержали. Крупская поспешила отправить ленинское письмо Сталину... „Вы знаете ведь Владимира Ильича, – с торжеством говорила Крупская Каменеву, – он бы никогда не пошел на разрыв личных отношений, если бы не считал необходимым разгромить Сталина политически“».

Крупская действительно говорила это, но без всякого «торжества»; наоборот, эта глубоко искренняя и деликатная женщина была чрезвычайно испугана и расстроена тем, что произошло. Неверно, будто она «жаловалась» на Сталина; наоборот, она, по мере сил, играла роль амортизатора. Но в ответ на настойчивые запросы Ленина она не могла сообщать ему больше того, что ей сообщали из секретариата, а Сталин утаивал самое главное.

Письмо о разрыве, вернее, записка в несколько строк, продиктованная 5 марта доверенной стенографистке, сухо

заявляло о разрыве со Сталиным «всех личных и товарищеских отношений». Эта записка представляет последний оставшийся после Ленина документ и вместе с тем окончательный итог его отношений со Сталиным. В ближайшую ночь он снова лишился употребления речи.

Через год, когда Ленина уже успели прикрыть мавзолеем, ответственность за разрыв, как достаточно ясно выступает из рассказа Димитревского, была открыто возложена на Крупскую. Сталин обвинял ее в «интригах» против него. Небезызвестный Ярославский, выполняющий обычно двусмысленные поручения Сталина, говорил в июле 1928 года на заседании ЦК:

«Они дошли до того, чтобы позволить себе к больному Ленину прийти со своими жалобами на то, что их Сталин обидел. Позор! Личные отношения примешивать к политике по таким большим вопросам...»

«Они» – это Крупская. Ей свирепо мстили за обиды, которые нанес Сталину Ленин. Со своей стороны Крупская рассказывала мне о том глубоком недоверии, с каким Ленин относился к Сталину в последний период своей жизни.

«Володя говорил: „У него (Крупская не назвала имени, а кивнула головой в сторону квартиры Сталина) нет элементарной честности, самой простой человеческой честности...“»

Так называемое Завещание Ленина, т. е. его последние советы об организации руководства партии, написано во время

его второго заболевания в два приема: 25 декабря 1922 года и 4 января 1923 года.

«Сталин, сделавшийся генеральным секретарем, – гла-сит Завещание, – сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он достаточно осторожно пользоваться этой властью».

Через десять дней эта сдержанная формула кажется Ленину недостаточной, и он делает приписку:

«Я предлагаю товарищам обдумать вопрос о смещении Сталина с этого места и назначении на это место другого человека», который был бы «более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.». Ленин стремился придать своей оценке Сталина как мож-но менее обидное выражение. Но речь шла тем не менее о смещении Сталина с того единственного поста, который мог дать ему власть.

После всего того, что произошло в предшествовавшие ме-сяцы, Завещание не могло явиться для Сталина неожидан-ностью. Тем не менее он воспринял его как жестокий удар. Когда он ознакомился впервые с текстом⁴⁹, который передала ему Крупская для будущего съезда партии, он в присут-ствии своего секретаря Мехлиса, ныне политического ше-фа Красной Армии, и видного советского деятеля Сырцова,

⁴⁹ На самом деле Сталин получал копии Завещания Ленина (те его предсмерт-ные конфиденциальные записки, в том числе и письма к съезду) от сотрудников секретариата Ленина буквально через несколько дней после их написания.

ныне исчезнувшего со сцены, разразился по адресу Ленина площадной бранью, которая выражала тогдашние его подлинные чувства по отношению к «учителю». Бажанов, другой бывший секретарь Сталина, описывает заседание ЦК, где Каменев впервые оглашал Завещание.

«Тяжкое смущение парализовало всех присутствующих. Сталин, сидя на ступеньках трибуны президиума, чувствовал себя маленьким и жалким. Я глядел на него внимательно; несмотря на его самообладание и мнимое спокойствие, ясно можно было различить, что дело идет о его судьбе...»

Радек, сидевший на этом памятном заседании возле меня, нагнулся ко мне со словами:

– Теперь они не посмеют идти против вас.

Он имел в виду два места письма: одно, которое характеризовало Троцкого как «самого способного человека в настоящем ЦК», и другое, которое требовало смещения Сталина, ввиду его грубости, недостатка лояльности и склонности злоупотреблять властью. Я ответил Радеку:

– Наоборот, теперь им придется идти до конца, и притом как можно скорее.

Действительно, Завещание не только не приостановило внутренней борьбы, чего хотел Ленин, но, наоборот, придало ей лихорадочные темпы. Сталин не мог более сомневаться, что возвращение Ленина к работе означало бы для генерального секретаря политическую смерть. И наоборот: толь-

ко смерть Ленина могла расчистить перед Сталиным дорогу.

«Мучается старик»

Во время второго заболевания Ленина, видимо, в феврале 1923 года, Сталин на собрании членов Политбюро (Зиновьева, Каменева и автора этих строк) после удаления секретаря сообщил, что Ильич вызвал его неожиданно к себе и потребовал доставить ему яду. Он снова терял способность речи, считал свое положение безнадежным, предвидел близость нового удара, не верил врачам, которых без труда уловил на противоречиях, сохранял полную ясность мысли и невыносимо мучился. Я имел возможность изо дня в день следить за ходом болезни Ленина через нашего общего врача Гетье, который был вместе с тем нашим другом дома.

– Неужели же, Федор Александрович, это конец? – спрашивали мы с женой его не раз.

– Никак нельзя этого сказать. Владимир Ильич может снова подняться – организм мощный.

– А умственные способности?

– В основном останутся незатронуты. Не всякая нота будет, может быть, иметь прежнюю чистоту, но виртуоз останется виртуозом.

Мы продолжали надеяться. И вот неожиданно обнаружилось, что Ленин, который казался воплощением инстинкта жизни, ищет для себя яду. Каково должно было быть его внутреннее состояние!

Помню, насколько необычным, загадочным, не отвечающим обстоятельствам показалось мне лицо Сталина. Просьба, которую он передавал, имела трагический характер; на лице его застыла полуулыбка; точно на маске. Несоответствие между выражением лица и речью приходилось наблюдать у него и прежде. На этот раз оно имело совершенно невыносимый характер. Жуть усиливалась еще тем, что Сталин не высказал по поводу просьбы Ленина никакого мнения, как бы выживая, что скажут другие: хотел ли он уловить оттенки чужих откликов, не связывая себя? Или же у него была своя затаенная мысль?... Вижу перед собой молчаливого и бледного Каменева, который искренне любил Ленина, и растерянного, как во все острые моменты, Зиновьева. Знали ли они о просьбе Ленина еще до заседания? Или же Сталин подготовил неожиданность и для своих союзников по триумvirату?

– Не может быть, разумеется, и речи о выполнении этой просьбы! – воскликнул я. – Гетье не теряет надежды. Ленин может поправиться.

– Я говорил ему все это, – не без досады возразил Сталин, – но он только отмахивается. Мучается старик. Хочет, говорит, иметь яд при себе... прибегнет к нему, если убедится в безнадежности своего положения.

– Все равно невозможно, – настаивал я, на этот раз, кажется, при поддержке Зиновьева. – Он может поддаться временному впечатлению и сделать безвозвратный шаг.

– Мучается старик, – повторял Сталин, глядя неопределенно мимо нас и не высказываясь по-прежнему ни в ту, ни в другую сторону. У него в мозгу протекал, видимо, свой ряд мыслей, параллельный разговору, но совсем не совпадавший с ним. Последующие события могли, конечно, в деталях оказать влияние на работу моей памяти, которой я в общем привык доверять. Но сам по себе эпизод принадлежит к числу тех, которые навсегда врезаются в сознание. К тому же по приходе домой я его подробно передал жене. И каждый раз, когда я мысленно сосредотачиваюсь на этой сцене, я не могу не повторить себе: поведение Сталина, весь его образ имели загадочный и жуткий характер. Чего он хочет, этот человек? И почему он не сгонит со своей маски эту вероломную улыбку?... Голосования не было, совещание не носило формального характера, но мы разошлись с само собой разумеющимся заключением, что о передаче яду не может быть и речи.

Здесь естественно возникает вопрос: как и почему Ленин, который относился в этот период к Сталину с чрезвычайной подозрительностью, обратился к нему с такой просьбой, которая на первый взгляд предполагала высшее личное доверие? За несколько дней до обращения к Сталину Ленин сделал свою безжалостную приписку к Завещанию. Через несколько дней после обращения он порвал с ним все отношения. Сталин сам не мог не поставить себе вопрос: почему Ленин обратился именно к нему? Разгадка проста: Ленин видел в Сталине единственного человека, способного

выполнить трагическую просьбу, ибо непосредственно заинтересованного в ее исполнении. Своим безошибочным чутьем больной угадывал, что творится в Кремле и за его стенами, и каковы действительные чувства к нему Сталина. Ленину не нужно было даже перебирать в уме ближайших товарищей, чтобы сказать себе: никто, кроме Сталина, не окажет ему этой «услуги». Попутно он хотел, может быть, проверить Сталина: как именно мастер острых блюд поспешит воспользоваться открывающейся возможностью? Ленин думал в те дни не только о смерти, но и о судьбе партии. Революционный нерв Ленина был, несомненно, последним из нервов, который сдался смерти. Но я задаю себе ныне другой, более далеко идущий вопрос: действительно ли Ленин обращался к Сталину за ядом? Не выдумал ли Сталин целиком эту версию, чтобы подготовить свое алиби? Опасаться проверки с нашей стороны у него не могло быть ни малейших оснований: никто из нас троих не мог спрашивать больного Ленина, действительно ли он требовал у Сталина яду.

Лаборатория ядов

Еще совсем молодым человеком Коба натравливал в тюрьме исподтишка отдельных горячих кавказцев на своих противников, доводя дело до избиений, в одном случае даже до убийства. Техника его с годами непрерывно совершенствовалась. Монопольный аппарат партии в сочетании с тоталитарным аппаратом государства открыли перед ним такие возможности, о которых его предшественники вроде Цезаря Борджиа даже и мечтать не могли. Кабинет, где следователи ГПУ ведут сверхинквизиционные допросы, связан микрофоном с кабинетом Сталина. Невидимый Иосиф Джугашвили с трубкой в зубах жадно слушает им самим предначертанный диалог, потирает руки и беззвучно смеется. Свыше десяти лет до знаменитых московских процессов он за бутылкой вина на балконе дачи летним вечером признался своим тогдашним союзникам – Каменеву и Дзержинскому, что высшее наслаждение в жизни – это зорко наметить врага, тщательно все подготовить, беспощадно отомстить, а затем пойти спать⁵⁰. Теперь он мстит целому поколению большевиков! Возвращаться здесь к московским судебным под-

⁵⁰ Эти же слова Лев Троцкий приводит в своих воспоминаниях «Моя жизнь». Разговор Сталина с Каменевым и Дзержинским о мести, видимо, постепенно обростал легендой. Один из вариантов его передает Мария Иоффе (со слов Карла Радека) в своей книге «Одна ночь».

логам нет основания. Они получили в свое время авторитетную и исчерпывающую оценку⁵¹. Но, чтоб понять настоящего Сталина и его образ действий в дни болезни и смерти Ленина, необходимо осветить некоторые эпизоды последнего большого процесса, инсценированного в марте 1938 года.

Особое место на скамье подсудимых занимал Генрих Ягода, который работал в ЧК и ГПУ 16 лет, сперва в качестве заместителя начальника, затем в качестве главы все время в тесной связи с «генеральным секретарем» как его наиболее доверенное лицо по борьбе с оппозицией. Система покаяний в несовершенных преступлениях есть дело рук Ягоды, если не его мозга. В 1933 году Сталин наградил Ягоду орденом Ленина, в 1935 году возвел его в ранг генерального комиссара государственной обороны, т. е. маршала политической полиции, через два дня после того, как талантливый Тухачевский был возведен в звание маршала Красной Армии. В лице Ягоды возвышалось заведомое для всех и всеми презираемое ничтожество. Старые революционеры переглядывались с возмущением. Даже в покорном Политбюро пытались сопротивляться. Но какая-то тайна связывала Сталина с Ягодой и, казалось, навсегда. Однако таинственная связь таинственно оборвалась. Во время большой «чистки» Сталин решил попутно ликвидировать сообщника, который слишком много знал. В апреле 1937 года Ягода был аресто-

⁵¹ См. два тома, изданных комиссией д-ра Джона Дьюи: *The Case of Leon Trotsky, 1937, and Not guilty, 1938*, Harper and Brothers.

ван. Как всегда, Сталин добился при этом некоторых дополнительных выгод: за обещание помилования Ягода взял на себя на суде личную ответственность за преступления, в которых молва подозревала Сталина. Обещание, конечно, не было выполнено: Ягоду расстреляли, чтоб тем лучше доказать непримиримость Сталина в вопросах морали и права.

На судебном процессе вскрылись, однако, крайне поучительные обстоятельства. По показанию его секретаря и доверенного лица Буланова (этот Буланов вывез меня и мою жену в 1929 году из Центральной Азии в Турцию), Ягода имел особый шкаф ядов, откуда по мере надобности извлекал драгоценные флаконы и передавал их своим агентам с соответствующими инструкциями. В отношении ядов начальник ГПУ, кстати сказать, бывший фармацевт, проявлял исключительный интерес. В его распоряжении состояло несколько токсикологов, для которых он воздвиг особую лабораторию, причем средства на нее отпускались неограниченно и без контроля. Нельзя, разумеется, ни на минуту допустить, чтоб Ягода соорудил такое предприятие для своих личных потребностей. Нет, и в этом случае он выполнял официальную функцию. В качестве отправителя он был, как и старуха Локуста при дворе Нерона, *instrumentum regni*⁵². Он лишь далеко обогнал свою темную предшественницу в области техники!

Рядом с Ягодой на скамье подсудимых сидели четыре

⁵² Инструмент царской власти (*лат.*).

кремлевских врачей⁵³, обвинявшихся в убийстве Максима Горького и двух советских министров.⁵⁴

«Я признаю себя виновным в том, – показал маститый доктор Левин, который некогда был также и моим врачом, – что я употреблял лечение, противоположное характеру болезни...» Таким образом «я причинил преждевременную смерть Максиму Горькому и Куйбышеву».

В дни процесса, основной фон которого составляла ложь, обвинения, как и признания в отравлении старого и больного писателя казались мне фантазмагорией. Позднейшая информация и более внимательный анализ обстоятельств заставили меня изменить эту оценку. Не все в процессах было ложью. Были отравленные и были отравители. Не все отравители сидели на скамье подсудимых. Главный из них руководил по телефону судом.

Максим Горький не был ни заговорщиком, ни политиком. Он был сердобольным стариком, заступником за обиженных, сентиментальным протестантом. Такова была его роль с первых дней октябрьского переворота. В период первой и второй пятилетки голод, недовольство и репрессии достигли высшего предела. Протестовали сановники, протестовала даже жена Сталина Аллилуева. В этой атмосфере Горь-

⁵³ На самом деле три врача – Плетнев, Левин и Казаков.

⁵⁴ Троцкий явно подразумевает заместителя председателя Совнаркома Куйбышева и председателя коллегии ОГПУ Менжинского. Если кто и приложил руку к их насильственной смерти, то это только Сталин.

кий представлял серьезную опасность. Он находился в переписке с европейскими писателями, его посещали иностранцы, ему жаловались обиженные, он формировал общественное мнение. Никак нельзя было заставить его молчать. Арестовать его, выслать, тем более расстрелять – было еще менее возможно. Мысль ускорить ликвидацию больного Горького «без пролития крови» через Ягоду должна была представиться при этих условиях хозяину Кремля как единственный выход. Голова Сталина так устроена, что подобные решения возникают в ней с силою рефлекса.

Приняв поручение, Ягода обратился к своим «врачам». Он ничем не рисковал. Отказ был бы, по словам Левина, «нашей гибелью, т. е. гибелью моей и моей семьи».

«От Ягоды спасения нет, Ягода не отступит ни перед чем, он вас вытащит из-под земли».

Почему, однако, авторитетные и заслуженные врачи Кремля не жаловались членам правительства, которых они близко знали как своих пациентов? В списке больных у одного доктора Левина значились 24 высоких сановника, сплошь членов Политбюро и Совета Народных Комиссаров! Разгадка в том, что Левин, как и все в Кремле и вокруг Кремля, отлично знал, чьим агентом является Ягода. Левин подчинился Ягоде, потому что был бессилен сопротивляться Сталину.

О недовольстве Горького, об его попытке вырваться за границу, об отказе Сталина в заграничном паспорте в Москве знали и шушукались. После смерти писателя сра-

зу возникли подозрения, что Сталин слегка помог разрушительной силе природы. Процесс Ягоды имел попутной задачей очистить Сталина от этого подозрения. Отсюда повторные утверждения Ягоды, врачей и других обвиняемых, что Горький был «близким другом Сталина», «доверенным лицом», «сталинцем», полностью одобрял политику «вождя», говорил с «исключительным восторгом» о роли Сталина. Если б это было правдой хоть наполовину, Ягода никогда не решился бы взять на себя умерщвление Горького и еще менее посмел бы доверить подобный план кремлевскому врачу, который мог уничтожить его простым телефонным звонком к Сталину.

Мы извлекли из одного процесса одну «деталь». Процессов много, и «деталям» нет числа. Все они носят на себе неизгладимую печать Сталина. Это его основная работа. Шагая вразвалку по своему кабинету, он тщательно обдумывает комбинации, при помощи которых можно довести неугодного ему человека до предельной степени унижения, до ложного доноса на самых близких людей, до самой ужасной измены по отношению к собственной личности. Кто сопротивляется несмотря ни на что, для того всегда найдется маленький флакон. Ибо исчез только Ягода, – его шкаф остался.

Смерть и похороны Ленина

В судебном процессе 1938 года Сталин выдвинул против Бухарина как бы мимоходом обвинение в подготовке покушения на Ленина в 1918 году. Наивный и увлекающийся Бухарин благоговел перед Лениным, любил его любовью ребенка и матери и, если дерзил ему в полемике, то не иначе, как на коленях. У Бухарина, мягкого как воск, по выражению Ленина, не было и не могло быть самостоятельных честолюбивых замыслов. Если бы кто-нибудь предсказал нам в старые годы, что Бухарин будет когда-нибудь обвинен в подготовке покушения на Ленина, каждый из нас (и первый – Ленин) посоветовал бы посадить предсказателя в сумасшедший дом. Зачем же понадобилось Сталину насквозь абсурдное обвинение? Зная Сталина, можно сказать с уверенностью: это ответ на подозрения, которые Бухарин неосторожно высказывал относительно самого Сталина. Все вообще обвинения московских процессов построены по этому типу. Основные элементы сталинских подлогов не извлечены из чистой фантазии, а взяты из действительности, большей частью из дел или замыслов самого мастера острых блюд. Тот же оборонительно-наступательный «рефлекс Сталина», который так ярко обнаружился на примере со смертью Горького, дал знать всю свою силу и в деле со смертью Ленина. В первом случае поплатился жизнью Ягода, во втором – Буха-

рин.

Я представляю себе ход дела так. Ленин потребовал яду – если он вообще требовал его – в конце февраля 1923 года. В начале марта он оказался уже снова парализован. Медицинский прогноз был в этот период осторожно-неблагоприятный. Почувствовав прилив уверенности, Сталин действовал так, как если б Ленин был уже мертв. Но больной обманул его ожидания. Могучий организм, поддерживаемый непреклонной волей, взял свое. К зиме Ленин начал медленно поправляться, свободнее двигаться, слушал чтение и сам читал; начала восстанавливаться речь. Врачи давали все более обнадеживающие заключения. Выздоровление Ленина не могло бы, конечно, воспрепятствовать смене революции бюрократической реакцией. Недаром Крупская говорила в 1926 году:

«Если б Володя был жив, он сидел бы сейчас в тюрьме».

Но для Сталина вопрос шел не об общем ходе развития, а об его собственной судьбе: либо ему теперь же, сегодня удастся стать хозяином аппарата, а следовательно – партии и страны, либо он будет на всю жизнь отброшен на третьи роли. Сталин хотел власти, всей власти во что бы то ни стало. Он уже крепко ухватился за нее рукою. Цель была близка, но опасность со стороны Ленина – еще ближе.

Именно в этот момент Сталин должен был решить для себя, что надо действовать безотлагательно. У него везде были сообщники, судьба которых была полностью связана с его

судьбой. Под рукой был фармацевт Ягода. Передал ли Сталин Ленину яд, намекнув, что врачи не оставляют надежды на выздоровление, или же прибегнул к более прямым мерам, этого я не знаю. Но я твердо знаю, что Сталин не мог пассивно выжидать, когда судьба его висела на волоске, а решение зависело от маленького, совсем маленького движения его руки.

Во второй половине января 1924 года я выехал на Кавказ в Сухум, чтобы попытаться избавиться от преследовавшей меня таинственной инфекции, характер которой врачи не разгадали до сих пор. Весть о смерти Ленина застигла меня в пути. Согласно широко распространенной версии, я потерял власть по той причине, что не присутствовал на похоронах Ленина. Вряд ли можно принимать это объяснение всерьез. Но самый факт моего отсутствия на траурном чествовании произвел на многих друзей тяжелое впечатление. В письме старшего сына, которому в то время шел 18-й год, звучала нота юношеского отчаяния: надо было во что бы то ни стало приехать! Таковы были и мои собственные намерения, несмотря на тяжелое болезненное состояние. Шифрованная телеграмма о смерти Ленина застала нас с женой на вокзале в Тифлисе. Я сейчас же послал в Кремль по прямому проводу шифрованную записку:

«Считаю нужным вернуться в Москву. Когда похороны?»

Ответ прибыл из Москвы примерно через час:

«Похороны состоятся в субботу, не успеете прибыть вовремя. Политбюро считает, что Вам, по состоянию здоровья, необходимо ехать в Сухум.

Сталин».

Требовать отложения похорон ради меня одного я считал невозможным. Только в Сухуме, лежа под одеялами на веранде санаториума, я узнал, что похороны были перенесены на воскресенье. Обстоятельства, связанные с первоначальным назначением и позднейшим изменением дня похорон так запутаны, что нет возможности осветить их в немногих строках. Сталин маневрировал, обманывал не только меня, но, видимо, и своих участников по триумvirату. В отличие от Зиновьева, который подходил ко всем вопросам с точки зрения агитационного эффекта, Сталин руководствовался в своих рискованных маневрах более осязательными соображениями. Он мог бояться, что я свяжу смерть Ленина с прошлогодней беседой о яде, поставлю перед врачами вопрос, не было ли отравления; потребую специального анализа. Во всех отношениях было поэтому безопаснее удержать меня подалее до того дня, когда оболочка тела будет бальзамирована, внутренности сожжены, и никакая экспертиза не будет более возможна.

Когда я спрашивал врачей в Москве о непосредственных причинах смерти, которой они не ждали, они неопределенно разводили руками. Вскрытие тела, разумеется, было произведено с соблюдением всех необходимых обрядностей: об

этом Сталин в качестве генерального секретаря позаботился прежде всего! Но яду врачи не искали, даже если более проницательные допускали возможность самоубийства. Чего-либо другого они, наверное, не подозревали. Во всяком случае, у них не могло быть побуждений слишком утончать вопрос. Они понимали, что политика стоит над медициной. Крупская написала мне в Сухум очень горячее письмо⁵⁵; я не беспокоил расспросами на эту тему. С Зиновьевым и Каменевым я возобновил личные отношения только через два года, когда они порвали со Сталиным. Они явно избегали разговоров об обстоятельствах смерти Ленина, отвечали односложно, отводя глаза в сторону. Знали ли они что-нибудь или только подозревали? Во всяком случае, они были слишком тесно связаны со Сталиным в предшествующие три года и не могли не опасаться, что тень подозрения ляжет и на них. Точно свинцовая туча окутывала историю смерти Ленина. Все избегали разговора об ней, как если б боялись прислушаться к собственной тревоге. Только экспансивный и разговорчивый Бухарин делал иногда с глазу на глаз неожиданные и странные намеки.

– О, вы не знаете Кобы, – говорил он со своей испуганной улыбкой. – Коба на все способен.

⁵⁵ Письмо это Троцкий намеревался опубликовать в первом номере «Бюллетеня оппозиции» в 1929 году. Но оно было похищено у него профессором Хариним, сотрудником Парижского советского торгпредства, и передано органам ОГПУ. У Троцкого осталась заверенная им же самим копия письма Крупской (другая сохранилась в архиве Макса Истмена).

Над гробом Ленина Сталин прочитал по бумажке клятву верности заветам учителя в стиле той гомилетики, которую он изучал в тифлисской духовной семинарии. В ту пору клятва осталась малозамеченной. Сейчас она вошла во все хрестоматии и занимает место синайских заповедей.

* * *

В связи с московскими процессами и последними событиями на международной арене имена Нерона и Цезаря Борджиа упоминались не раз. Если уж вызывать эти старые тени, то следует, мне кажется, говорить, о сверх-Нероне и сверх-Борджиа, – так скромны, почти наивны, кажутся преступления тех эпох по сравнению с подвигами нашего времени. Под чисто персональными аналогиями можно, однако, открыть более глубокий исторический смысл. Нравы римской империи упадка складывались на переломе от рабства к феодализму, от язычества к христианству. Эпоха Возрождения означала перелом от феодального общества к буржуазному, от католицизма к протестантизму и либерализму.

В обоих случаях старая мораль успела истлеть прежде, чем новая сложилась.

Сейчас мы снова живем на переломе двух систем, в эпоху величайшего социального кризиса, который, как всегда, сопровождается кризисом морали. Старое расшатано до основания. Новое едва начало строиться. Когда в доме провали-

лась крыша, сорвались с цепей окна и двери, в нем неуютно и трудно жить. Сейчас сквозные ветры дуют по всей нашей планете. Традиционным принципам морали приходится все хуже и хуже, и притом не только со стороны Сталина... Историческое объяснение не есть, однако, оправдание. И Нерон был продуктом своей эпохи. Но после его гибели его статуи были разбиты, и его имя выскоблено отовсюду. Месть истории страшнее мести самого могущественного генерального секретаря. Я позволяю себе думать, что это утешительно.

13 октября 1939 года

Койоакан

Приложение

Письмо Троцкого переводчику Ч. Маламуту

Дорогой товарищ Маламут!

Я опасаясь, что в «Лайф» сталинцы ведут какую-то интригу, говорят, что в аппарате этого журнала много сталинцев. Я до сих пор не получил от редакции никакого ответа. Не знаете ли Вы, в чем дело? Заплатить они все равно обязаны, так как статья заказана.

Что касается вопроса о дне похорон, то, насколько я теперь понимаю, на основании полученных мною справок, в частности, Вашего письма, дело обстояло следующим образом. Когда я вернулся из Сухума в Москву и когда у меня с несколькими ближайшими товарищами шел разговор о похоронах (вопрос был затронут скорее вскользь, т. к. прошло уже свыше трех месяцев), мне говорили: он (Сталин) или они (тройка) вовсе не думали устраивать похороны в субботу, они хотели лишь добиться вашего отсутствия. Кто мне говорил это? Может быть, И. Н. Смирнов или Муралов, вряд ли Склянский, который был очень сдержан и осторожен. Так у меня сложилось впечатление, что о субботе не было вообще разговору.

Теперь я вижу, что махинация была сложнее. Сталин не решился ограничиться одной телеграммой мне о том, что похороны состоятся в субботу. От имени Политбюро, а может быть, секретариата ЦК, он отдал распоряжение военным властям о подготовке к субботе. Муралов и Склянский, разумеется, приняли распоряжение за чистую монету, хотя и были удивлены слишком близким сроком. Зиновьев принял такие же меры по Коминтерну.

Что Сталин с самого начала считал субботний срок фиктивным, вытекает из ряда обстоятельств, и, в частности, из приведенного Вами показания Вальтера Дуранти⁵⁶. Он утверждает, что многие лица успели приехать на похороны из мест, отстоящих от Москвы дальше, чем Тифлис. Он не объясняет, однако, как им удалось совершить такое чудо. Между тем объяснение просто. На похороны прибыли из отдаленных мест, конечно, наиболее ответственные чиновники: секретари комитетов, председатели исполкомов и пр. В этот период у Сталина с большинством крупных аппаратчиков, как было разоблачено на XIV съезде партии, был особый «личный» шифр для сношений по всем вопросам, которые направлены были против меня. Прежде чем в газетах появилось какое-либо оповещение о смерти Ленина, все эти секретари получили, несомненно, шифрованные телеграммы с

⁵⁶ Всемирно известный американский журналист в 30-е годы (Виктор Луи тех времен) прямо или косвенно служил орудием сталинской внешней политики. Через него кремлевские власти неоднократно распространяли на Западе выгодные для них слухи.

приказанием немедленно выехать в Москву, вероятнее всего, без всякого указания дня похорон. Ввиду критического момента, Сталин мобилизовал во всей стране своих аппаратчиков. Он не мог бы вызвать на похороны людей, которые находились дальше от Москвы, чем Тифлис, если бы действительно имел в виду похороны в субботу. Интрига оказалась сложнее, чем мне, находившемуся тогда в Сухуме, казалось по беглым разговорам в Москве несколько месяцев спустя. Но суть дела остается та же.

Кстати, тот факт, что Дуранти несколько лет спустя тщательно разъяснил этот эпизод, – разумеется, по указанию сверху, – показывает, что Сталин считал полезным замести и этот след.

17 ноября 1939 года

Койоакан

Сталин против Сталина

Ложь есть социальная функция. Она отражает противоречия между людьми и классами. Она нужна там, где нужно прикрыть, смягчить, замазать противоречие. Где социальные антагонизмы имеют долгую историю, там ложь приобретает уравновешенный, традиционный, почтенный характер. В нынешнюю эпоху небывалого обострения борьбы между классами и нациями ложь приобрела, наоборот, бурный, напряженный, взрывчатый характер. Никогда со времен Каина не лгали еще так, как лгут в наше время. К тому же к услугам лжи стоят сейчас ротационные машины, редко кинематограф. В мировом хоре лжи Кремль занимает не последнее место.

Много лгут, правда, фашисты. В Германии имеется специальный режиссер фальсификаций: Геббельс. Аппарат Муссолини тоже не бездействует. Но ложь фашизма имеет, так сказать, статический характер. Она почти монотонна. Объясняется это тем, что между повседневной политикой фашистской бюрократии и ее абстрактными формулами нет того ужасающего противоречия, которое все больше развертывается между программой советской бюрократии и ее действительной политикой. В СССР социальные противоречия нового типа возникли на глазах ныне живущего поколения. Над народом сразу поднялась могущественная пара-

зитическая каста. Самое существование ее есть вызов всем тем принципам, во имя которых произведена была Октябрьская революция. Вот почему эта «коммунистическая» (!) каста вынуждена лгать более, чем какой бы то ни было из правящих классов человеческой истории.

Официальная ложь советской бюрократии, отражающая разные этапы ее восхождения, меняется из года в год. Последовательные пласты лжи создали чрезвычайный хаос в официальной идеологии. Вчера бюрократия говорила не то, что третьего дня, а сегодня говорит не то, что вчера. Советские библиотеки превратились таким образом в очаги страшной заразы. Студенты, учителя, профессора, наводящие справки в старых газетах и журналах, открывают на каждом шагу, что одни и те же вожди по одним и тем же вопросам высказывали на коротком промежутке времени прямо противоположные суждения, притом не только теоретического, но и фактического характера, проще сказать, лгали в зависимости от изменчивых интересов дня.

Так возникла необходимость упорядочить ложь, согласовать фальсификации, кодифицировать подлоги. После длительной работы в Москве выпущена в этом году «История Коммунистической партии» под редакцией Центрального Комитета, вернее сказать, самого Сталина. Никаких ссылок, цитат, доказательств в этой «Истории» нет, она представляет собою продукт чисто бюрократического вдохновения. Чтоб опровергнуть хотя бы главные фальсификации, изложенные

на 350 страницах этой книги, понадобилось бы несколько тысяч страниц. Мы попытаемся дать читателю понятие об амплитуде лжи на одном, правда наиболее ярком, примере, именно на вопросе о руководстве Октябрьской революцией, причем заранее делаем вызов господам «друзьям» опровергнуть хотя бы одну из наших цитат, хотя бы одну из наших дат, хотя бы одну фразу в одной из наших цитат, хотя бы одно слово в одной из фраз.

Кто руководил октябрьским переворотом? Новая «История» отвечает на этот вопрос вполне категорически: «...партийный центр по руководству восстанием, во главе с тов. Сталиным». Замечательно, однако, что об этом центре никто не знал до 1924 г. Нигде, ни в газетах, ни в мемуарах и официальных актах вы не найдете ссылки на деятельность партийного центра «во главе со Сталиным». Легенда о партийном центре стала фабриковаться только с 1924 г. и окончательного своего развития достигла в прошлом году с созданием специального фильма «Ленин в Октябре».

Принимал ли кто-нибудь еще участие в руководстве, кроме Сталина? «Товарищи Ворошилов, Молотов, Дзержинский, Орджоникидзе, Киров, Каганович, Куйбышев, Фрунзе, Ярославский и другие, – гласит „История“, – получили специальные задания партии по руководству восстанием на местах». К ним прибавлены еще Жданов и... Ежов. Здесь назван полностью штаб Сталина. Других руководителей, как оказывается, не было. Так гласит «История» Сталина.

Берем в руки первое издание Сочинений Ленина, выпущенное Центральным Комитетом партии еще при жизни Ленина. По поводу Октябрьского восстания в специальном примечании о Троцком говорится следующее: «После того, как Петербургский Совет перешел в руки большевиков, Троцкий был избран его председателем, в качестве которого организовал и руководил восстанием 25-го Октября». Ни слова о «партийном центре». Ни слова о Сталине. Эти строки писались, когда вся история Октябрьской революции была совершенно свежа, когда главные участники были живы, когда документы, протоколы, газеты были доступны всем. При жизни Ленина никогда и никто, в том числе и сам Сталин, не возражал против этой характеристики руководства Октябрьским восстанием, которая повторялась в тысячах местных газет, официальных справочников и входила в тогдашние школьные учебники.

«Был создан Военно-революционный комитет при Петроградском Совете, ставший легальным штабом восстания», – говорит «История». Она забывает только прибавить, что председателем Военно-революционного комитета был Троцкий, а не Сталин. «Смольный... стал боевым штабом революции, откуда шли боевые приказы», – гласит «История». Она забывает только прибавить, что Сталин никогда не работал в Смольном, не входил в Военно-революционный комитет, не принимал участия в боевом руководстве, сидел в редакции газеты и появился в Смольном только после окон-

чательной победы восстания.

Из множества свидетельств по интересующему нас вопросу выберем одно, наиболее убедительное в данном случае: речь идет о свидетельстве самого Сталина. В первую годовщину революции он посвятил в московской «Правде» особую статью Октябрьскому перевороту и его руководящим участникам. Скрытая цель статьи состояла в том, чтобы сказать партии, что Октябрьским восстанием руководил не один Троцкий, но и Центральный Комитет. Однако в то время Сталин не мог еще позволять себе открытых фальсификаций. Вот что он писал по поводу руководства восстанием:

«Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета тов. Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного комитета партия обязана прежде всего и главным образом тов. Троцкому. Товарищи Антонов и Подвойский были главными помощниками тов. Троцкого».

Эти строки, которые мы цитируем дословно, написаны Сталиным не через двадцать лет после восстания, а через год. В статье, специально посвященной руководителям восстания, нет ни слова о так называемом «партийном центре». Зато названы лица, которые совершенно исчезли из официальной «Истории».

Только в 1924 году, после смерти Ленина, когда многое уже было позабыто, Сталин впервые объявил во всеуслышание задачей историков разрушение «легенды (!) об особой роли Троцкого в Октябрьском восстании». «Должен сказать, – говорил он публично, – что никакой особой роли в Октябрьском восстании Троцкий не играл и играть не мог». Как примирил, однако, Сталин эту новую версию со своей собственной статьей 1918 года? Очень просто: он запретил цитировать свою старую статью. Всякая попытка сослаться на нее в советской печати привела бы несчастного автора к самым тягчайшим последствиям. Однако в публичных библиотеках многих столиц мира нетрудно найти номер «Правды» от 7 ноября 1918 года, который представляет собой убийственную улику против Сталина и его школы фальсификаций.

У меня на столе десятки, сотни документов, опровергающих каждую фальсификацию сталинской «Истории». Но на этот раз довольно и сказанного. Прибавим только, что незадолго до своей смерти Роза Люксембург писала:

«Ленин и Троцкий со своими друзьями были первыми, которые подали пример мировому пролетариату. Они и сейчас еще остаются единственными, которые могут воскликнуть вместе с Гуттеном: я дерзнул на это!»

Этого факта не отменяют никакие фальсификаторы, хотя бы в их распоряжении были самые сильные ротационные ма-

шины и радиостанции.

19 ноября 1938 года

Койоакан

К политической биографии Сталина

Восемь лет борьбы после Ленина, восемь лет борьбы против Троцкого, восемь лет режима эпигонов – сперва «тройка», затем «семерка» и, наконец, «единый» – весь этот многозначительный период спуска революции, ее откатов в международном масштабе, ее теоретического снижения подвел нас к некоторому в высшей степени критическому пункту. В бюрократическом триумфе Сталина резюмируется большая историческая полоса, и вместе с тем, знаменуется близкая неизбежность ее преодоления. Кульминация бюрократизма предрекает его кризис. Он может оказаться гораздо более быстрым, чем его рост и подъем. Режим национал-социализма и его герой попадают под удары не только внутренних противоречий, но и международного революционного движения. Мировой кризис даст последнему ряд новых толчков. Пролетарский авангард не сможет и не захочет задышаться в тисках молотовского руководства. Личная ответственность Сталина ангажирована полностью. Сомнения и тревога забрались в души даже наиболее вышколенных. А Сталин не может дать больше того, что у него есть. Ему предстоит спуск, который может оказаться тем более стремительным, чем более искусственный характер имел подъем.

Во всяком случае, Сталин есть центральная фигура нынешнего межеумочного периода. Характеристика Сталина в

связи с ходом XVI съезда получает большой политический интерес. Настоящий номер Бюллетеня⁵⁷ посвящен в значительной мере характеристике аппаратного вождя как политического деятеля и как теоретика.

В следующих ниже строках мы хотим дать некоторые материалы к политической биографии Сталина. Наши материалы крайне неполны. Мы выбираем наиболее существенное из того, что оказалось у нас в архиве. Но в нашем архиве нет пока многих существенных, может быть, самых важных материалов и документов. Из архивов департамента полиции, перехватывавшего и копировавшего в течение десятилетий письма революционеров, документы и пр., Сталин в течение последних лет тщательно собирал материалы, при помощи которых он мог, с одной стороны, держать в руках недостаточно надежных друзей, набросить тень на противников, а главное – оградить себя и своих единомышленников от публикации тех или других цитат или эпизодов, которые способны нанести ущерб фальшивой «монолитности» искусственно построенных биографий. Этих документов у нас нет. Крайнюю неполноту наших сведений надо всегда иметь в виду при оценке печатаемых ниже материалов.

⁵⁷ «Бюллетень оппозиции», выпускаемый Троцким с 1929 по 1940 г. в Берлине, Париже и США. – Прим. ред. – сост.

1. 23 декабря 1925 года в партийной газете «Заря Востока» ближайшими друзьями Сталина была опубликована следующая жандармская справка, относящаяся к 1903 году:

«По вновь полученным мною агентурным сведениям Джугашвили был известен в организации под кличкой „Сосо“ и „Коба“; с 1902 года работал в социал-демократической партийной организации, сначала меньшевиком, потом большевиком, как пропагандист и руководитель первого района (железнодорожного)».

По поводу этой жандармской справки о Сталине, опубликованной его сторонниками, никаких опровержений, насколько знаем, нигде не появлялось. Из справки вытекает, что Сталин начал свою работу меньшевиком.

2. В 1905 году Сталин принадлежал к большевикам и принимал активное участие в борьбе. Каковы были воззрения его и действия в 1905 году? Каковы были взгляды его на характер революции и ее перспективы? Насколько знаем, никаких документов на этот счет в обороте нет. Никаких статей, речей или резолюций Сталина перепечатано не было.

Почему? Очевидно, потому, что перепечатка статей или писем Сталина за тот период могла бы только нанести ущерб его политической биографии. Ничем другим это упорное забвение прошлого «вождя» объяснить нельзя.

3. В 1907 году Сталин принимает участие в экспроприации Тифлисского банка. Меншевики вслед за буржуазными филистерами немало негодовали по поводу «заговорщических» методов большевизма и его «анархобланкизма». У нас к этому негодованию может быть только одно отношение: презрение. Факт участия в смелом, хотя и частичном ударе врагу делает только честь революционной решимости Сталина. Приходится, однако, изумляться, почему этот факт трусливо устранен из всех официальных биографий Сталина? Не во имя ли бюрократической респектабельности? Думаем все же, что нет. Скорее, по политическим причинам. Ибо, если участие в экспроприировании само по себе отнюдь не может скомпрометировать революционера в глазах революционеров, то ложная политическая оценка тогдашней ситуации компрометирует Сталина как политика. Отдельные удары по учреждениям, в том числе и «кассам» врага совместимы лишь с массовым наступлением, т. е. с подъемом революции. При отступлении масс частные, отдельные, партизанские удары неизбежно вырождаются в авантюры и ведут к деморализации партии. В 1907 году революция откатывалась, и экспроприации вырождались в авантюры. Сталин, во всяком случае, показал в этот период, что не умеет отличать отлива от прилива. Неспособность политической ориентировки широкого масштаба он обнаружит в дальнейшем не раз (Эстония, Болгария, Кантон, 3-й период).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.